

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И БИОГРАФИИ

Юрий Рипенко

МАРШАЛ ВАРЕНЦОВ

ПУТЬ К ВЕРШИНАМ СЛАВЫ
И ДОЛГОЕ ЗАБВЕНИЕ

1901—1971

На линии фронта. Правда о войне

Юрий Рипенко

**Маршал Варенцов. Путь
к вершинам славы и
долгое забвение. 1901-1971**

«Центрполиграф»

2011

Рипенко Ю. Б.

Маршал Варенцов. Путь к вершинам славы и долгое забвение. 1901-1971 / Ю. Б. Рипенко — «Центрполиграф», 2011 — (На линии фронта. Правда о войне)

Книга полковника, кандидата военных наук Ю.Б. Рипенко посвящена яркой судьбе Главного маршала артиллерии, Героя Советского Союза Сергея Сергеевича Варенцова, несправедливо забытого ныне. Его жизнь вобрала в себя и триумфальное восхождение по служебной лестнице, и вершины искусства управления большими массами артиллерии в годы Великой Отечественной войны, и весомый вклад в послевоенное становление ракетных войск и артиллерии, оснащенных ядерным оружием, и драматическое время неза заслуженной опалы. В 1963 году за личные связи с предателем О. Пеньковским и «утерю бдительности» С.С. Варенцов был снят с должности командующего ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск, понижен в звании, лишен звания Героя Советского Союза и всех орденов. Почти три десятка лет имя этого видного военачальника с огромным фронтовым опытом было предано забвению, а подлинные обстоятельства его отставки оставались неясными для современников. Автор первой биографической работы о С.С. Варенцове на большом документальном материале, в том числе семейном архиве маршала, восполняет этот пробел и вносит вклад в восстановление его честного имени, сосредоточив основное внимание в данной книге на деятельности военачальника в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время.

© Рипенко Ю. Б., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

От автора	6
Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	27
Глава 3	43
Первые наступательные операции	44
«Огневой щит и меч» на Курской дуге	56
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юрий Борисович Рипенко

Маршал Варенцов. Путь к вершинам славы и долгое забвение. 1901—1971

110-летию со дня рождения Сергея Сергеевича Варенцова посвящается

Человек, проливавший кровь за свою страну, вправе рассчитывать на справедливое отношение к себе. Никто не имеет права на большее, но никто не должен получить меньше.

Президент Теодор Рузвельт, 7 декабря 1903 г.

От автора

Эта книга о бывшем Главном маршале артиллерии, Герое Советского Союза Сергее Сергеевиче Варенцове, чья жизнь вобрала в себя и триумфальное восхождение по служебной лестнице, и вершины искусства управления большими массами артиллерии в годы Великой Отечественной войны, и весомый вклад в послевоенное становление ракетных войск и артиллерии, оснащенных ядерным оружием, и драматическое время незаслуженной опалы.

В 1963 году С.С. Варенцов был снят с должности командующего ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск, понижен в звании, лишен звания Героя Советского Союза и всех орденов. Почти три десятка лет имя этого видного военачальника с огромным фронтовым опытом было предано забвению, а подлинные обстоятельства его отставки оставались неясными для современников. Люди старшего поколения его фамилию, пожалуй, вспомнят, но обязательно в связи с нашумевшим в свое время делом О. Пеньковского. Остальные же и этого не знают. Неоткуда. Только в начале 90-х годов о С.С. Варенцове, посвятившем всю свою жизнь служению отечеству, изредка стали появляться очерки и статьи, однако в большинстве своем мало отражающие его вклад в нашу Победу над фашистской Германией.

Известно, что предпринимались попытки родственников и соратников Сергея Сергеевича, ряда журналистов, юристов восстановить славное имя С.С. Баренцева. Пока сделано немного. И результаты на текущий день таковы, что создается впечатление незыблемости ранее принятых несправедливых решений в отношении Сергея Сергеевича, так как его имя появляется в публикациях не иначе как при упоминании имени О. Пеньковского.

Нужна реабилитация. А для этого, на мой взгляд, необходимо больше освещать деятельность Сергея Сергеевича в годы Великой Отечественной войны и его вклад в развитие ракетных войск и артиллерии в послевоенное время, тем самым расширяя информационное поле вокруг имени С.С. Варенцова.

К сожалению, маршалы А.М. Василевский, Ф.И. Голиков, Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.С. Москаленко и другие военачальники, хорошо знавшие Сергея Сергеевича, по понятным причинам не смогли в своих воспоминаниях рассказать о деятельности С.С. Варенцова на посту командующего артиллерией одного из самых мощных фронтов Красной армии.

С другой стороны, сокровищница боевого опыта наших вооруженных сил многое потеряла, не пополнившись воспоминаниями С.С. Варенцова и артиллерийских военачальников, воевавших под его командованием, об управлении большими массами артиллерии. Вышли только воспоминания командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта В.И. Казакова и его начальника штаба Г.С. Надысева.

В 1992 году в «Военно-историческом журнале» были опубликованы материалы подполковника Ю.А. Прыткова под названием «...И свергнут властной рукой» в том объеме, какой позволял формат журнала. В них был кратко изложен весь служебный путь С.С. Варенцова от начала военной службы и до драматической отставки. В данной книге этот материал был положен в основу первой главы «Золотые часы наркома».

В 2001 году С. Павленко в газете «Красная звезда» опубликовал статью «Вирази судьбы маршала Баренцева», которая представлена частично в главе «Предписанное забвение».

Публикаций, посвященных непосредственно деятельности С.С. Варенцова в должностях начальника артиллерии корпуса (армии) и командующего артиллерией фронта, в настоящее время нет. Отсутствуют они и в ресурсах Интернета.

Автор надеется в какой-то степени ликвидировать этот пробел и таким образом внести определенный вклад в восстановление честного имени С.С. Варенцова, сосредоточив основное внимание в данной книге на его деятельности в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время.

Автор не претендует на исчерпывающее изложение деятельности С.С. Варенцова в военное и мирное время, а выражает надежду на дальнейшее изучение и освещение героического жизненного пути Сергея Сергеевича военными историками и писателями. Только тогда можно быть убежденным в том, что не за горами тот день, когда проникновенные слова **«Никто не забыт и ничто не забыто»** будут иметь самое непосредственное отношение и к С.С. Баренцеву – **мастеру маневра «огнем и колесами»**, убедительно доказавшему это своей деятельностью в годы Великой Отечественной войны.

Автор выражает искреннюю признательность Эрлене Сергеевне Гончаровой (Варенцовой), Наталии Сергеевне Варенцовой, Александру Леонидовичу и Сергею Леонидовичу Гончаровым, а также Людмиле Владимировне Шмелевой за помощь, оказанную при написании настоящей книги.

Юрий Рипенко

Пролог

...Работник управления кадров полковник В.И. Тюленев с тяжелым сердцем поднимался по лестнице дома № 68/70, что на Фрунзенской набережной. Ему предстояло выполнить неприятную миссию: вручить для ознакомления командующему ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск С.С. Варенцову документы о его увольнении в отставку и понижении в воинском звании до генерал-майора. Виктор Иванович хорошо знал командующего. Кандидат в члены ЦК КПСС, Герой Советского Союза, Главный маршал артиллерии С.С. Варенцов был известным и авторитетным военачальником. Подкупали его широкие военные знания, организаторские способности, умение работать с людьми, смелость в отстаивании принципиальных вопросов перед самыми высокими инстанциями. Поэтому последние события – на шумевшее дело американского шпиона О. Пеньковского, обвинение С.С. Варенцова в утрате политической бдительности и связи с предателем Родины, увольнение командующего в отставку, лишение воинского звания, наград – все это с трудом укладывалось в голове опытного офицера-кадровика. Виктор Иванович размышлял: как обратиться к командующему, по старому воинскому званию или как к генерал-майору артиллерии? Впрочем, для раздумывания уже не оставалось времени. Вслед за коротким звонком открылась дверь квартиры, и полковника Тюленева встретил напряженный взгляд ее хозяина.

– Товарищ командующий, мне приказано довести до вас Указ Президиума Верховного Совета СССР о понижении вас в воинском звании до генерал-майора артиллерии и приказ министра обороны СССР об увольнении вас в отставку.

Тюленев с трудом перевел глаза с принесенных документов на того, кому они адресовались. Виктору Ивановичу показалось, что на глаза командующего навернулись скупые мужские слезы. Было это в один из дней 1963 года¹.

---

¹ Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 51.

Глава 1

Золотые часы наркома

...Всего в 50 километрах от Москвы находится город Дмитров. Основан он был в середине XII века князем Юрием Долгоруким.

Важную роль в истории Дмитрова сыграло его месторасположение на берегу реки Яхромы, которая впадает в реку Сестру, Сестра – в Дубну, Дубна – в Волгу. Таким образом, город был связан водным путем со многими территориями Древней Руси: Тверью, Нижним Новгородом, южными и северными землями. Кроме того, он стоял на границе трех соперничавших княжеств: Переславского, Тверского и Московского, между которыми шла непрерывная борьба за расширение своих земель, усиление влияния.

За свою историю Дмитров неоднократно подвергался разрушению от междоусобных княжеских войн, шесть раз его сжигали татаро-монгольские завоеватели, но каждый раз город возрождался из пепла, восстанавливались крепостные стены, просуществовавшие вплоть до начала XVII века. Любопытно, что визитной карточкой города, как и в Туле, были пряники, а также баранки. В частности, во время визита в 1858 году Александра II вместо традиционных хлеба-соли гостю поднесли печатный пряник.

Во второй половине XIX века после строительства Николаевской железной дороги Москва – Санкт-Петербург через Клин (1851) и Ярославской железной дороги через Сергиев Посад (1869) Дмитров, оставаясь административным центром, оказывается в относительно невыгодном экономическом положении. Значение старой речной торговли сходит на нет, население сокращается, хотя уезд в целом считается одним из наиболее промышленно развитых в губернии наряду с Богородским и Московским.

Из этого состояния город отчасти вывело строительство железной дороги Москва – Савелов (1900). Ко времени Первой мировой войны в Дмитрове начинается рост населения и промышленности.

В этом уездном городке 15 сентября 1901 года родился будущий военачальник Сергей Сергеевич Варенцов.

Семья Баренцевых жила в тесном деревянном доме, построенном еще после войны 1812 года. Отец, Сергей Александрович, работал чернорабочим, грузчиком на пристани, продавцом в купеческой лавке. Мать, Васса Васильевна, вела домашнее хозяйство. Детей было много, одни оставались живы, другие умирали. Выжили пятеро детей: две дочери и трое сыновей. Сергей был старшим, любимым ребенком. Познавший сполна тяжелый физический труд, отец стремился дать мальчику хорошее образование. После окончания Дмитровского высшего городского начального училища Сергей учился на курсах бухгалтеров, затем начал работать счетоводом.

Октябрьская революция изменила уклад жизни Баренцевых, как и миллионов других семей. Началась Гражданская война. Сергей Александрович с тревогой наблюдал за поведением сына.

– Не пушу! – заявил отец накануне предстоящего отъезда сына и спрятал единственные сапоги. – Воевать захотелось! А чем бухгалтер хуже солдата?!

Зимой и без того узкие улочки старинного Дмитрова кажутся совсем непреодолимыми. Сугробы и горы снега, да тропки меж ними, словно ходы сообщений в окопах. Тусклые фонари и предутренний мороз. Открылась калитка. Из нее выбрался юноша и зашагал меж сугробов истоптанной стезжкой. Уходил в Красную армию ее будущий воин и военачальник.

10 марта 1919 года Сергей Варенцов начал военную службу и вскоре оказался на самом горячем участке Гражданской войны – на Южном фронте. Красноармейцем перевязочного

взвода 5-го Курского революционного полка М.Е. Трунова участвовал в боях с деникинцами, чудом избежал плена в острых схватках с кавалерией Мамонтова. Судьба благоволила молодому пареньку, уберегла его от пули, но не спасла от тифа. Только по письму сына из госпиталя семья узнала, куда увела Сергея мартовская ночная дорога. А вскоре Варенцов-младший, оправившийся от болезни, предстал перед родительскими глазами: после госпиталя его перевели в Дмитров для несения гарнизонной службы.

В те годы служба рядом с родительским домом была редким везением для военного человека. Смышленому, грамотному красноармейцу Варенцову предложили поехать учиться на красного командира. Он согласился. Попросился в артиллерию, наверное, потому, что с детства любил лошадей, а артиллерия была в то время исключительно на конной тяге, да к тому же, как дипломированный бухгалтер, был хорошо знаком с математикой. Вероятно, это и сыграло значительную роль в выборе военной профессии. Примечательно, что Сергей Сергеевич всю жизнь собирал статуэтки лошадей. Со временем любовь к лошадям переросла в настоящее влечение, «нержавеющую» любовь к славному роду войск – артиллерии, развитию которой он посвятит всю свою жизнь.

Так Сергей Варенцов оказался под Петроградом, в Царском Селе, на командных курсах тяжелой артиллерии. Учился прилежно. Как один из лучших выпускников, был направлен на должность взводного командира в Высшую артиллерийскую школу комсостава в городе Луге. Служба ладилась, хотя и пришлось участвовать в подавлении мятежа в марте 1921 года.

За несколько дней до открытия X съезда РКП (б) моряки во главе с бывшим генералом Козловским подняли мятеж в Кронштадте – главной базе Балтийского флота, выдвинув лозунг «Советы без коммунистов». На подавление мятежа были брошены и курсанты Высшей артиллерийской школы.

17 марта, в 5 часов утра, после скрытного выдвижения войск на исходные рубежи и артиллерийской подготовки, продолжавшейся с полудня 16 марта, штурмовые отряды атаковали мятежников и ворвались в Кронштадт. Руководители мятежа и около восьми тысяч мятежников отступили в Финляндию, остальные сложили оружие. Никто не знает, что творилось в душе молодого краскома, но домой Сергей Варенцов вернулся с первой сединой, подолгу молчал, много курил, а затем попросился служить на Украину.

Характеристики, написанные командирами и начальниками С.С. Варенцова в те годы, скупо и точно характеризуют его деловые качества. Вот отдельные выдержки из них².

«1924 г.

**Начальник связи батареи дивизиона ТАОН³
Высшей артшколы.**

Хороший работник, исполнитель. Дисциплинирован и требователен. Имеет любовь к хозяйственной работе. Политически развит достаточно. Требователен к себе и к подчиненным. Здоров. Занимаемой должности соответствует. Может быть выдвинут на должность начальника связи дивизиона.

1925 г.

**Начальник связи и разведки батареи,
учебный артполк АКУКС⁴.**

---

² Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 54.

³ ТАОН – тяжелая артиллерия особого назначения.

⁴ А К У К С – артиллерийские курсы усовершенствования командного состава.

Энергичный, достаточно выдержан, хорошо дисциплинирован. Общее развитие вполне удовлетворительное. Здоров. Занимаемой должности соответствует. Вполне заслуживает выдвижения на должность командира батареи в очередном порядке.

1926 г.

Начальник разведки дивизиона, учебный артполк АКУКС.

Энергичен, инициативен, решителен. Дисциплинирован, к подчиненным требователен, политически развит, морально устойчив. Заслуживает выдвижения на должность командира батареи во внеочередном порядке».

Комментировать эти строки официальных служебных аттестаций вряд ли есть необходимость. Остается только подчеркнуть, что уже в те годы напряженной строевой службы Сергей Варенцов практически познал, насколько важна роль организации артиллерийской разведки и организации связи для управления артиллерией в бою, так как без разведки артиллерия слепа, а без связи – орудия молчат.

Появилась возможность продолжить образование, и в 1926 году С. Варенцов экстерном сдает экзамены за полный курс Первой артиллерийской школы. Командир взвода, помощник командира батареи, начальник связи дивизиона, командир батареи – эти ступени профессионального роста стали для С. Варенцова хорошей школой, позволили ему приобрести большой практический опыт. В

1927 году Сергей Варенцов был назначен начальником полковой артиллерийской школы, в том же году получил свою первую награду – именной револьвер от Кременчугского обрисполкома.

Командиры Сергея Варенцова продолжают в характеристиках отмечать его сильную волю, энергию и хорошую подготовку и, видя в нем перспективного командира, рекомендуют послать на курсы для повышения знаний.

«1928 г.

Начальник полковой школы 25-го артполка⁵.

Сильная воля, решительный, бурная энергия, прям, требователен к себе и к подчиненным, военная и общая подготовка, специальная артиллерийская, знания других родов войск вполне удовлетворительные.

Во всех отношениях подготовленный командир для занимаемой должности. Занимаемой должности вполне соответствует. Необходимо послать на основное отделение АКУКС для повышения знаний.

1930 г.

Слушатель 2-го отделения среднего состава АКУКС.

Активно и добросовестно относится к работе. Тактически подготовлен. Уставы знает хорошо. По стрельбе подготовлен хорошо. Подготовлен на должность дивизиона К-7.

1931 г.

Начальник полковой школы 25 ап.

Дисциплинирован, требователен. Проявляет разумную инициативу, решителен, находчив. Состояние здоровья хорошее. Во всех отношениях подготовленный командир. Может быть продвинут на должность начальника штаба полка или помощника командира полка по строевой части во внеочередном порядке...»

---

⁵ Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 54–55.

В аттестации на начальника полковой школы С. Баренцева в 1932 году отмечалось: «... показал образец работы во всех отношениях. Отлично дисциплинирован. Подготовлен как тактически, так и политически хорошо. Требователен к себе и подчиненным, пользуется большим авторитетом... Заслуживает во внеочередном порядке назначения на должность помощника командира артиллерийского полка по строевой части»⁶. В 1934 году С. Варенцов становится помощником командира 41-го артиллерийского полка 41-й стрелковой дивизии. И на этой должности С. Варенцов характеризуется положительно.

«1935 г.

Помощник командира 41 ап по строевой части⁷.

Обладает силой воли. Специальная подготовка хорошая, общая – удовлетворительная, хороший стрелок. Настойчив, решительный, но вспыльчив. Политически подготовлен хорошо. Здоров. Должности помощника командира полка по строевой части вполне соответствует, может быть выдвинут на должность командира артполка во внеочередном порядке.

П.п. Командир в/ч 4332

Комбриг ВОРОНЦОВ

Военный комиссар
полковой комиссар
(подпись)».

Только перечисление всех этих данных позволяет нам, с одной стороны, представить себе прекрасные организаторские способности С. Варенцова, целеустремленность и требовательность, а с другой – увидеть, как последовательно он, не перескакивая служебных ступеней, настойчиво осваивал низовые должности артиллерийских командиров и начальников, что впоследствии положительно сказалось на его дальнейшем росте.

Командиром-комиссаром 41-го артиллерийского полка был М.Ф. Сидорук, сыгравший в жизни С. Варенцова неблагоприятную роль, о чем речь впереди. Жизненный путь Сидорука мало чем отличался от военной судьбы сотен и тысяч других красных командиров: грузчик до революции, красноармеец, участник Гражданской войны, слушатель курсов, командир подразделения. Отличала Сидорука разве что особая жилка партийного активиста. Она была замечена политработниками, и после окончания Зиновьевской школы Сидорук, как заслуживший особое доверие, получил назначение на должность командира-комиссара полка.

Поначалу, рьяно взявшись за командование частью, Сидорук одновременно с этим обнаружил недюжинные способности устраивать свое материальное благополучие за счет полка. Вот что говорят об этом материалы закрытого заседания комиссии по чистке партийной организации 41-й стрелковой дивизии от 16 ноября 1934 года, на котором рассматривалась деятельность помкомандира 41-го артиллерийского полка по хозяйственной части Подорожко:

«Слушали: дополнительный разбор по чистке тов. Подорожко, чл. ВКП(б) с 1919 г., п/б № 0425919, рабочий, в других партиях не состоял, помкомполка.

Председатель комиссии тов. Маневич говорит, что тов. Подорожко проходит чистку очень тяжело. Выступило до 20 человек, где ругали его крепко за плохое руководство хозяйством, неактивную партработу. В своем выступлении он указал, в частности, на свои ненормальные взаимоотношения с командиром полка... После замечания обвинил систему работы Сидорука.

---

⁶ Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 52.

⁷ Там же. С. 55.

Подорожко. В отношении пьянок. Они были часто на полигоне, последняя выпивка была в лагерях в штабе с представителями районных работников, когда тов. Сидорук, будучи пьяным, там и спал на диване. Очень часто приезд шефов сопровождался большими выпивками... Характер Сидорука мне был знаком по совместной службе ранее. В первые дни при указании по работе он меня предупредил, что работа в хозяйстве сложная, и намекнул кое о чем... Конкретно это вылилось уже в неправильном учете поголовья...

Вопрос. Что за поддельные счета?

Ответ. Купля лошади, принадлежащей командиру полка, а счета получили от какой-то организации.

Вопрос. Какие еще были случаи?

Ответ. Я приказал за растрату арестовать одного подчиненного. Но мои приказания были отменены без моего на это согласия...»⁸

Вышестоящие начальники знали о злоупотреблениях командира-комиссара артиллерийского полка, но закрывали на них глаза. Благополучно Сидорук прошел партийную чистку. Много лестных слов о нем сказал сам помполит корпуса Кавалере. А вот Подорожко комиссия по чистке обвинила в измышлениях и собирании фактов и слухов, предупредила о строжайшей партийной ответственности в случае, если ему не удастся перестроить свою работу.

Задобренные гостеприимным комполка начальники прощали Сидоруку и его нередкие грубые служебные промахи. Уверовавший в свою всесильность, командир-комиссар позволил себе и некоторые политические высказывания, идущие вразрез с официальной пропагандой. Вот этого уже «компетентные органы» Сидоруку простить никак не могли.

37-й год мог стать последним в жизни Сергея Сергеевича Варенцова. Командир-комиссар 41-го артиллерийского полка невзлюбил своего помощника за его независимость, способности, авторитет среди подчиненных. Отметим, что у С.С. Варенцова всегда было обостренное чувство служебного долга, он не хотел быть «гибким», никогда не подстраивался под своих начальников, а имел свое мнение по решению различных проблем. Поэтому Сергей Сергеевич своей несгибаемостью и непреклонностью попросту раздражал всех нерадивых, карьеристов и просто нечистоплотных людей как до войны, так и после Великой Отечественной войны.

К таким людям можно отнести и командира-комиссара полка М.Ф. Сидорука. Не утруждая себя в должном исполнении служебных обязанностей, все более устранившись от руководства частью из-за многочисленных пьянок, Сидорук, однако, приложил немало усилий к тому, чтобы разделаться с непокладистым майором Баренцевым. И способ выбрал для этого самый верный: оговор, донос в «компетентные органы». Желая ускорить развязку, командир полка собранный на своего помощника «компромат вручил в опечатанном конверте... самому Варенцову и приказал ему доставить «документы» в Москву, в НКВД»⁹.

«Отец прибыл домой, – вспоминает дочь С.С. Варенцова Эрлена Сергеевна, – быстро собрался и сказал маме, что его Сидорук направляет в Москву к наркому Ежову. Я видела, как он сложил в маленькую военную сумку полотенце, мыло и бритвенный прибор. А большой конверт с печатями он положил под гимнастерку. Папа уехал. А мама и моя старшая сестра Нина плакали (Нина была дочерью С. Варенцова и его рано умершей первой жены. – Ю. Р.). И только повторяли, что отец погибнет и нас лишат квартиры. Действительно, поздно вечером, а иногда в начале ночи приходили какие-то люди по команде Сидорука (так они говорили). Я только просыпалась и слышала фразы: «Подходит?» или «Не подходит!». Квартира состояла из двух небольших комнат, но желающих ее занять было более чем достаточно.

---

⁸ Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 53.

⁹ Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 53.

В наркомат Сергей Сергеевич попал в «неудобное время», которое оказалось, впрочем, очень удачным. Была очень большая очередь к Ежову, длинный коридор был полностью заполнен военными. Терять время попусту строевой офицер не хотел, да и характер требовал действия. И отправился он к заместителю главного чекиста страны.

– Вы хоть читали, что здесь написано?! – задал вопрос вскрывший пакет. – Здесь рапорт на ваш арест как врага народа.

Открылась потайная дверь в стене кабинета, и Варенцов очутился в другой комнате.

– Пишите обо всем, что творится в полку, – последовал приказ.

Отец врать не умел, – продолжает Эрэна Сергеевна, – и он написал (я знаю это от мамы), что у Сидорука были частые пьянки, в ходе которых высказывались недовольства некоторыми законами Советской власти, обсуждались вопросы воровства сена и его продажи. Артиллерия тогда была на конной тяге, и лошадей надо было хорошо кормить. Я помню, как по этому поводу переживал отец и часто по ночам лично проверял конюшни на наличие сена для лошадей. К Сидоруку на пьянки он не ходил. Хотя один раз мама уговорила папу, чтобы он сходил, дабы ничего не случилось (так мама думала). Но вскоре отец вернулся в гневе, поссорился с мамой и сказал, что в такую компанию ни он, ни она ходить не будут».

Трудно сказать, что конкретно повлияло на дальнейшие события и судьбу Варенцова: подозрительное отношение «органов» к необычному способу расправы командира со своим подчиненным или начавшаяся опала Ежова и его подчиненных. Но факт остается фактом: посланного на верную смерть Варенцова отпустили, и он вернулся в свой полк.

Вскоре арестовали Сидорука. Такой же участи каждый день ожидал и Варенцов. Тревога за семью и товарищей по оружию сменялась чувством безысходности. В частях дивизии не прекращались аресты командиров. 17 октября 1937 года был арестован и менее чем через месяц расстрелян отец жены Варенцова – старый большевик, ленинградский рабочий Карп Григорьевич Селюненко. Это были страшные дни. Они на долгие годы запечатлелись в сознании Сергея Сергеевича¹⁰.

По делу Сидорука Варенцов как свидетель был допрошен помощником начальника особого отдела 41-й стрелковой дивизии младшим лейтенантом госбезопасности Башкировым. Содержание протокола допроса дало основание генерал-лейтенанту юстиции в отставке Б.А. Викторову обвинить С. Варенцова в доносительстве и клевете¹¹. Однако столь суровый и категоричный вердикт вряд ли серьезно обоснован. Варенцов, в отличие от Сидорука, никогда ни на кого не писал доносов. Свои показания он давал как свидетель по делу. То, что Варенцов сообщил о Сидорухе следователю, в основном касалось дел в полку (самоустранение командира от тактической подготовки подчиненных, плохое содержание материальной части, избыток жеребых лошадей и т. д.). Факты эти были очевидными. Варенцов характеризовал разговоры Сидорука о колхозном строе, деятельности обкома партии как антисоветские. И в этом нисколько не кривил душой, всецело разделяя официальные политические установки, с большим доверием относясь к политике ВКП(б). А имеющиеся в протоколе, не составленном собственноручно, а только подписанном Баренцевым, слова о «проводимой контрреволюционной деятельности», «непримиримо враждебном отношении», «большой диверсионной, вредительской работе» Сидорука являлись дежурными клише, тиражируемыми сотрудниками НКВД. Осуждать С. Варенцова, подписавшего протокол, можно только при одном условии – оказаться на его месте и поступить иначе.

По большому счету все эти и многие другие объяснения сводятся к одному – к суровости и неоднозначности тех времен. Более того, сложно дать объективную оценку событий тех лет уже в наше время. С одной стороны, можно рассуждать о волне массовых репрессий, прокла-

---

¹⁰ Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 53.

¹¹ Там же.

тившейся по СССР в 1936–1938 годах. С другой – нельзя отрицать, что верхушка командного состава Красной армии делилась на группы, враждовавшие друг с другом и даже с политическим руководством страны.

Таким образом, Красную армию в 1937–1938 годах затронули два параллельных процесса: борьба за власть в ее высших эшелонах и «предмобилизационный» превентивный удар по потенциальной «пятой колонне». Сталин не мог допустить «разброда и шатания» в армии, поэтому целеустремленно по-своему провел в жизнь один из основных принципов управления войсками – единство государственного и военного управления. Как известно, провел с жесткой решительностью. В результате даже тот командный и начальствующий состав, что продолжал службу в Красной армии, в психологическом плане был потрясен. Осложнились отношения между начальниками и подчиненными, возникло чувство всеобщей подозрительности, недоверия. Всякого рода проходимцы пользовались этой обстановкой всеобщего подозрения. Поэтому, с одной стороны, ситуация в армии была такова, что очищение ее было объективно необходимо, с другой – было допущено много ошибок и злоупотреблений, и, кроме того, оно было проведено с излишней жестокостью. Разумеется, не был застрахован от ошибок и злоупотреблений органов НКВД и С.С. Варенцов.

Есть предположения, что С.С. Варенцову в какой-то степени повезло. Якобы помогла ему не подпись под протоколом показаний о Сидоруке, а спасла тяжелая болезнь и сложная операция по поводу прободной язвы. Конечно, причиной обострения болезни были тяжелые психические переживания и переутомление.

«У отца была язвенная болезнь желудка, – вспоминает Эрлена Сергеевна, – и его увезли в госпиталь, удалили часть желудка. Но он все равно через 12 дней после операции прибыл в полк. Дела полка важнее жизни! – так всегда считал отец».

В 1947 году бывший врач 41-го арtpолка М.Д. Мартыненко писал С. Варенцову: «Он (период службы в полку. – Ю. Р.) был, собственно для меня первой военной школой, находясь непосредственно под Вашим руководством. Я очень хорошо помню дату 19 ноября 1937 г... Под этой датой я имею в виду Ваше внезапное заболевание и немедленное оперативное вмешательство. Последнее было сделано непосредственно под моим наблюдением... Благодаря быстрому, своевременному и правильному вмешательству все мы счастливы иметь в Вашем лице крупнейшего руководителя фронта»¹².

Вряд ли в 1937 году С. Варенцов даже мог подумать о подобных служебных вершинах. Голова его была занята другим. Варенцов знал, что сотрудники госбезопасности собирают данные о нем, его работе, поведении, высказываниях. Не чувствуя за собой никакой вины, он с мучительной тревогой ждал ареста. Но опасения были напрасны, не было ничего компрометирующего у органов НКВД на С.С. Варенцова. Не было никаких признаков «непримиримо враждебного отношения» к власти и причастности Сергея Сергеевича к «диверсионной и вредительской деятельности». Поэтому вслед за арестом Сидорука С. Варенцову разрешили исполнять обязанности командира полка. Однако интерес «компетентных органов» к личности С. Варенцова не прекращался и не мог остаться бесследным. После всего происшедшего еще недавно благожелательное отношение к Варенцову со стороны командования дивизии резко изменилось.

Исполнявшие обязанности командира и комиссара 41-й стрелковой дивизии майор Соколов и старший политрук Тарасов, видимо, под чью-то диктовку составили такую служебно-политическую характеристику на С.С. Варенцова, что об учебе в академии ему можно было уже и не думать.

---

¹² Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 53.

«Политическая и служебная характеристика на пом. командира, командира 41 ап Варенцова С.С.¹³

Политически развит удовлетворительно, над повышением идейно-политического уровня не работает.

Как специалист подготовлен хорошо. Недостаточно требователен к подчиненным, допускает искривления в дисциплинарной практике, непродуманно дает взыскания.

Авторитетом пользуется. Будучи пом. ком. полка, допускал заискивания перед старшими начальниками, в практической работе допускал ошибки, созывал большое количество совещаний начсостава. В период командования полком с сентября 1937 г. в полку имело место ухудшение состояния конского состава, сгнило до 20 тонн сена, состояние войскового хозяйства неудовлетворительное. На работоспособности сказывается операция язвы желудка.

Грамотный командир, но болезнь подорвала трудоспособность, необходимо использовать на другой работе.

Врид командира 41 сд
Майор СОКОЛОВ

Военный комиссар
Старший политрук ТАРАСОВ
Без даты».

Нетрудно заметить в этой характеристике ключевые слова: «как специалист подготовлен хорошо», «авторитетом пользуется», «грамотный командир». По-видимому, это было настолько очевидным, что майор Соколов и старший политрук Тарасов не могли их исказить и выразиться иначе.

Столь тенденциозная, противоречивая характеристика не помешала после выздоровления Сергею Сергеевичу со всей его энергией и добросовестностью взяться за командование полком. В 1938 и 1939 годах полк стал лучшим в дивизии, корпусе, в 1938 году вышел на первое место в Харьковском военном округе по боевой подготовке. К концу своего командования полком С.С. Варенцов имел три взыскания, около сорока поощрений и блестящую характеристику¹⁴. В марте 1939 года С.С. Варенцов назначается начальником артиллерии 41-й стрелковой дивизии. Как видно из предыдущей служебной деятельности, это не случайное стечение обстоятельств или просто банальное везение, а определенная закономерность.

Следует отметить, что в вопросах применения артиллерии в бою лозунги вроде «Даешь!» или «Любой ценой!» без соответствующей основы попросту смешны и несостоятельны. Поэтому на должности начальников артиллерии дивизий выдвигались, как правило, самые подготовленные артиллеристы. И старшие начальники знали, кого назначали командиром 41-й стрелковой дивизии, если С.С. Варенцов, несмотря на все перипетии его непросто складывающейся судьбы, все-таки был по достоинству оценен и назначен на вышестоящую и очень ответственную должность.

Это можно подтвердить той ролью, которую должен был играть начальник артиллерии в современном бою.

Во-первых, быстрое развитие науки и техники и авиации, артиллерии и других родов войск, наблюдавшееся в 1930-х годах в нашей стране, вызвало к жизни множество идей, теорий и в области тактики артиллерии. Последние переносились на полигоны, на поля тактиче-

---

¹³ Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 54.

¹⁴ Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 54.

ских учений, тщательно проверялись на практике, в условиях, приближенных к боевым, и в конечном счете одни из них отвергались, другие получали право на жизнь. В результате тактика артиллерии получила существенное развитие. Выражением этого явились многочисленные уставы, наставления, инструкции и специальные работы, изданные в этот период.

Во-вторых, прежде всего существенно изменился взгляд в отношении подчинения артиллерии. Рост численности, повышение роли артиллерии на поле боя привели к тому, что поднялась роль артиллерийского начальника. Это также нашло свое отражение в наших уставах. Если в предшествующий период артиллерийский начальник считался только инспектором по артиллерийской части и располагал административно-инспекторскими правами, то теперь он был признан боевым помощником общевойскового командира и наделен командными правами по отношению ко всей подчиненной ему артиллерии¹⁵. Он был обязан осуществлять непосредственное руководство артиллерией и ее огнем, нес полную ответственность за состояние артиллерии и за правильность ее боевого применения. Общевойсковой командир теперь получил возможность и должен был управлять артиллерией не непосредственно, а только через своего артиллерийского начальника, который ему был подчинен.

Таким образом, установление четкого взгляда на роль артиллерийского начальника, а также на его взаимоотношения с общевойсковым командиром имело большое практическое значение. Тем самым был положен конец всяким недоразумениям в практической работе артиллерийских и общевойсковых командиров, заложены прочные основы для правильного управления артиллерией и ее огнем. Нельзя сказать, что все проблемы в одночасье были решены, но было положено начало серьезной и кропотливой работе по привитию артиллерийским начальникам и командирам практических навыков по управлению крупными массами артиллерии. Полностью они были решены уже в годы Великой Отечественной войны. Это только еще раз подтверждает, насколько сложны эти вопросы в плане их практической реализации. Смело можно утверждать, что нет в сухопутных войсках сложнее проблемы, чем управление артиллерией (в послевоенное время – управление ракетными войсками и артиллерией) в ходе боевых действий. Решение этой проблемы и совершенствование управления артиллерией стали делом жизни С.С. Варенцова как в годы войны, так и в послевоенное время.

Для того чтобы представить масштаб работы начальника артиллерии дивизии, в первую очередь целесообразно ознакомиться с организационно-штатной структурой артиллерии дивизии того времени.

В 1939 году стрелковая дивизия имела два полка – легкий артиллерийский и гаубичный. Легкий артиллерийский полк включал два дивизиона в составе двух батарей 76-мм пушек и одной батареи 122-мм гаубиц каждый и третий дивизион – в составе одной батареи 76-мм пушек и двух батарей 122-мм гаубиц. Гаубичный полк состоял из двух дивизионов – один трехбатарейный дивизион 122-мм гаубиц и один трехбатарейный дивизион 152-мм гаубиц; все батареи полков были четырехорудийные. Кроме того, стрелковая дивизия получила отдельный противотанковый и отдельный зенитный артиллерийские дивизионы¹⁶. В общей сложности в составе стрелковой дивизии насчитывалось 78 орудий (без зенитной артиллерии).

В июне 1940 года после советско-финляндской войны огневая мощь артиллерийских полков стрелковых дивизий была усилена за счет увеличения удельного веса гаубиц в полках. Легкий артиллерийский полк переформировывался из трехдивизионного в двухдивизионный – по две батареи 76-мм пушек и по одной батарее 122-мм гаубиц в каждом дивизионе. Всего в полку стало 24 орудия вместо 36. Зато двухдивизионный гаубичный полк развернулся в трехдивизионный и вместо 24 получил 36 гаубиц (два дивизиона 122-мм и один дивизион 152-

---

¹⁵ Боевой устав артиллерии, часть II, 1937, ст. 25.

¹⁶ Артиллерия в наступательных операциях первого периода войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). Кн. 1. М.: Воениздат, 1964. С. 20.

мм гаубиц). Таким образом, общее число орудий в двух артиллерийских полках стрелковой дивизии осталось то же – 60, но количество гаубиц увеличилось с 40 до 44, а количество пушек уменьшилось с 20 до 16. Гаубицы теперь составляли почти три четверти всех орудий этих полков, и лишь одна четверть приходилась на долю пушек.

В состав полковой артиллерии входили батарея 76-мм полковых пушек (6 орудий), противотанковая батарея 45-мм пушек (6 орудий) и минометная батарея (четыре 120-мм миномета).

Батальонная артиллерия состояла из взвода 45-мм пушек (2 орудия) и роты 82-мм минометов (6 минометов). В каждой стрелковой роте находился взвод 50-мм минометов (3 миномета).

Как уже упоминалось, в соответствии со своими обязанностями начальник артиллерии дивизии нес личную ответственность за боевую и мобилизационную готовность, подготовку непосредственно подчиненных командиру дивизии артиллерийских частей (подразделений), правильное их применение и выполнение ими задач в установленные сроки. Кроме того, он отвечал в те времена и за зенитные артиллерийские части (подразделения). Чтобы со знанием дела руководить артиллерией дивизии, начальнику артиллерии необходимо быть всесторонне подготовленным как в тактическом отношении, так и в вопросах управления огнем артиллерии дивизии.

Сергея Сергеевича, что характерно, всегда отличало умение видеть главное в своей работе. Определив главные вопросы, от решения которых в конечном счете зависело выполнение конкретной задачи, С.С. Варенцов с присущей ему энергией брался за дело. Так и тогда, в далеком 39-м году, перед ним стояла главная задача – умело управлять артиллерией дивизии в любой обстановке. Поэтому Сергей Сергеевич для себя определил, что эффективно управлять артиллерией дивизии в бою он сможет лишь в том случае, если будут хорошо организованы артиллерийская разведка, тесное взаимодействие с пехотой и непрерывное управление артиллерией в ходе боя. Это позволит ему по приказу командира дивизии вести массированный, сосредоточенный или заградительный огонь, при необходимости осуществлять маневр огнем и колесами на любое угрожаемое направление.

Артиллерийской разведкой в дивизии занимались штатные средства артиллерийских полков всех типов и предназначений, а также отдельных артиллерийских подразделений дивизии. В штабах артиллерии стрелковых дивизий имелись штабные батареи. В состав штабной батареи входили отделение разведки (8 человек) и измерительно-пристрелочный взвод (18 человек). В штабных батареях дивизионных артиллерийских полков по штату числились взвод разведки и топографический взвод. По одному отделению разведки и топографическому взводу было в дивизионах артиллерийского полка. Отделения разведки также имелись во всех батареях, включая и батареи отдельного противотанкового дивизиона, батареи стрелковых полков, а также в противотанковом дивизионе дивизии.

До войны в обучении подразделений артиллерийской разведки основное внимание сосредоточивалось на овладении техническими приемами ведения разведки (техника наблюдения, засечка целей и т. п.). Методике обнаружения целей, активному добыванию разведывательных данных о противнике и ведению целеустремленной разведки в условиях определенного вида боя конкретно не учили, а если пытались что-либо сделать, то лишь формально, на основе сплошных упрощений и ограничений. Даже при обслуживании стрельб органы артиллерийской разведки «натаскивались» обычно по готовым данным о противнике, сообщавшимся заблаговременно руководителями стрельб. Полигоны и поля учений не оборудовались, и «жизнь» противника на них представлялась мертвой схемой заблаговременно расставленных и плохо замаскированных мишеней, слабо напоминающих подобие какого-то боевого порядка вероятного противника. Нарращивание разведывательных данных о противнике по ходу учения, вопреки зрительному впечатлению и без какого-либо содействия разведывательных под-

разделений, производилось вводными данными посредников или руководителя учений устно и часто неквалифицированно, без ясного представления о том, где, когда и что именно мог бы делать противник. На совместных с другими родами войск учениях (командно-штабных, войсковых) времени для проигрыша на местности деятельности всех органов разведки не отводилось. Даже на двухсторонних учениях сведения о противной стороне «добывались» от посредников или руководства учений.

Так командный состав годами приучался получать разведывательные данные о противнике в готовом виде, ничего не делая для их добывания. В результате наши командиры неплохо знали технику разведки, принципы ее работы и возможности, но не имели навыков в организации всего комплекса разведывательной работы в интересах боя, особенно в систематизации и анализе поступающих разведывательных данных о противнике. Этому делу фактически учились уже на войне, дорого расплачиваясь за утерянное время и неиспользованные возможности.

Это был серьезный пробел в боевой подготовке артиллерии, и его следовало устранять не простой констатацией самих недостатков, а поисками средств и способов устранения их в условиях обучения войск и штабов в мирное время. Пользуясь поддержкой командира дивизии, С.С. Варенцов начал ломать укоренившиеся «традиции» в обучении сил и средств артиллерийской разведки. При проведении учений со стрелковыми полками, батальонами, артиллерийскими дивизионами и батареями создавались условия, при которых соответствующие командиры и штабы должны были проявлять инициативу и настойчивость в добывании данных о противнике, систематизировать и анализировать данные о противнике, проверять их достоверность и т. д.

Не менее сложным и трудным в системе боевой подготовки являлся также вопрос о взаимодействии артиллерии с другими родами войск. Основной недостаток здесь заключался в раздельном обучении. Артиллерийские подразделения со стрелковыми и танковыми подразделениями встречались лишь на совместных учениях, которые проводились редко и носили больше проверочный, нежели учебный характер. Во многих случаях раздельное обучение обуславливалось дислокацией частей и организацией лагерных сборов в различных районах под флагом проведения так называемых специальных сборов на специально оборудованных полигонах.

При раздельном обучении подразделения (части) других родов войск «участвовали» в занятиях условно, что практически означало подмену взаимодействия приспособлением условно действующих подразделений (частей) к интересам реально действующего. Отсюда командиры-артиллеристы не учились понимать реальные действия пехоты и чувствовать себя ответственными за своевременную и разумную огневую поддержку ее. Командиры же стрелковых подразделений (частей) не учились понимать повседневные нужды и заботы боевой деятельности артиллерии. Ее боевые возможности они изучали по книжным источникам, а не на деле. Словом, вывод прост: как организация, так и методика обучения не закладывали прочных основ для тесного взаимодействия артиллерии с пехотой в боевых условиях.

В этом можно убедиться на примере организации боевой подготовки в Западном Особом военном округе (ЗапОВО) летом и осенью 1940 года. «До осени 1940 года, – вспоминал генерал Л.М. Сандалов, – в тактической подготовке войск, как и в предыдущие годы, преобладали условности. Наступление стрелковых подразделений и частей обычно условно поддерживалось батальонной, редко полковой артиллерией, **обозначенной одним орудием, а иногда и указками** (выделено мной. – Ю. Р.). Дивизионные артиллерийские полки и зенитно-артиллерийские дивизионы дислоцировались отдельно от стрелковых полков, весной убывали

в специальные лагеря и поэтому в совместных действиях со стрелковыми войсками не тренировались»¹⁷.

Командование 41-й стрелковой дивизии полностью отдавало себе отчет в том, что в случае войны дивизии придется участвовать в приграничных сражениях. Поэтому практиковались учения стрелковых полков с обязательным привлечением одного из артиллерийских полков. На этих учениях практически отработывались вопросы взаимодействия стрелкового полка с приданным артиллерийским полком. Командир дивизии и начальник артиллерии добивались самостоятельности в действиях командиров стрелковых полков, прививали им практические навыки в выполнении боевых задач с привлечением артиллерии. Для командиров артиллерийских полков тем самым создавался тактический фон, который позволял им понимать характер современного боя, приобретать навыки выполнения огневых задач в динамике боевых действий, а не заниматься «голым стрелкачеством». От таких учений выигрывали все, хотя они и требовали определенных материальных, физических и временных затрат.

Как и любой, уважающий себя начальник артиллерии, С.С. Варенцов стремился к тому, чтобы по его команде артиллерия дивизии могла вести массированный (привлекается вся или большая часть артиллерии дивизии) или сосредоточенный огонь (огонь, ведущийся несколькими дивизионами по одной цели) на любом угрожаемом направлении. Однако перед войной были определенные трудности в приобретении таких навыков артиллерийскими командирами и начальниками такого уровня.

К примеру, немцы в то время совершенно справедливо считали, что «гибкое и тактически правильное управление огнем дивизиона, полка и артиллерийской группы являлось «высшей школой артиллерии»¹⁸. Правда, приоритетными средствами поражения у немцев все-таки были авиация и танковые войска.

В Красной армии перед Великой Отечественной войной значение массированного (сосредоточенного) огня артиллерии понимали все, но как организовать его и сохранять управление артиллерией при ведении его в ходе боевых действий, практических навыков артиллерийским штабам не прививалось. Не было разработано каких-либо методических указаний по обучению начальников артиллерии дивизии, корпусов и армий, как и командиров артиллерийских групп, управлению артиллерией при ведении этого вида огня в соответствии с требованиями общевойскового боя (операции).

Для каждого, мало-мальски уважающего себя советского артиллериста индивидуально выполнить любую огневую задачу с привлечением батареи было делом чести. А вот организовать управление огнем дивизиона, полка, артиллерийской группы, артиллерии дивизии (корпуса, армии) было проблемой.

Поэтому «высшую школу артиллерии» необходимо было проходить в первую очередь артиллерийским командирам и начальникам от командира дивизиона и выше. Справедливости ради нужно также сказать, что проблема подготовки и ведения массированного (сосредоточенного) огня артиллерии дивизии в динамике боевых действий долго оставалась нерешенной во многих дивизиях не только до войны, а практически и весь первый период войны¹⁹.

Поэтому вполне закономерно на совещании высшего руководящего состава РККА в декабре 1940 года генерал-инспектор артиллерии Красной армии, генерал-лейтенант М.А. Парсегов в своем выступлении отметил: «Огневая подготовка артиллерии в этом году не получила достаточного усовершенствования. **Основной недостаток заключается в том, что управление массированным огнем еще не достигнуто** (выделено мной. – Ю. Р.)»²⁰.

---

¹⁷ Садалов Л.М. Первые дни войны: боевые действия 4-й армии 22 июня – 10 июля 1941 года. М.: Воениздат, 1989. С. 38–39.

¹⁸ Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 2000. С. 152.

¹⁹ Первый период войны – с 22.06.1941 по 18.11.1942.

²⁰ Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Русский архив:

Планированию массированного (сосредоточенного) огня обучались только на начальный момент боевых действий, и хорошо сколоченные штабы с этой задачей справлялись. Управлению артиллерией при ведении массированного (сосредоточенного) огня в ходе боя обучались редко, так как войсковые или командно-штабные учения обычно завершались сбором принятых решений, без проигрыша их на местности или на картах. Разумеется, на одном учении (поездке) трудно было проработать все этапы боевых действий, а учение с какого-то последующего этапа, после уже проведенного ранее, не практиковали. Вообще штабных учений со средствами разведки и связи проводилось мало²¹.

Недооценка этой области боевой подготовки являлась одной из существенных причин недостаточной подготовленности артиллерийских штабов к управлению артиллерией всех уровней при ведении массированного (сосредоточенного) огня и осуществлении маневра в сложных условиях боевых действий.

Кроме того, не все артиллерийские начальники и штабы могли организовать как централизованное, так и децентрализованное управление артиллерией.

Автор просит прощения у читателя, что приходится отвлекаться от основной линии повествования, но, на его взгляд, без этого не прочувствовать масштабности личности С.С. Варенцова.

Итак, в артиллерии уже многие годы применялись два способа управления – централизованное, то есть объединенное в руках старшего артиллерийского начальника, и децентрализованное (то есть с меньшей степенью централизации), когда функции управления передавались в нижестоящие инстанции, например в стрелковой дивизии – командирам полков, батальонов и даже рот.

Преимущество централизованного способа управления заключается в том, что оно обеспечивает в наибольшей степени возможность массирования артиллерийского огня на решающем участке боя, децентрализованное управление создает условия для более тесного взаимодействия в звене мелких подразделений. Исходя из этого рекомендовалось управление артиллерией централизовать на период артиллерийской подготовки и борьбы за передний край обороны противника. При развитии же боя в глубине обороны, когда отдельные подразделения атакующих частей будут решать самостоятельные задачи, считалось целесообразнее применять способ децентрализованного управления, гарантирующего более тесное взаимодействие артиллерии с этими подразделениями.

Основными средствами технической связи в артиллерии дивизии являлись телефон и радио. Все командиры, от командира батареи до начальника артиллерии стрелкового корпуса, за исключением начальника артиллерии стрелкового полка, по штату имели свои средства связи, но с укомплектованностью ими были проблемы. Об этом несколько ниже.

Безусловно, такой сложный организм, как артиллерия дивизии, сможет обеспечить своим огнем выполнение боевых задач, поставленных стрелковой дивизии, только в том случае, если будут обучены все без исключения специалисты – от орудийных номеров до командиров артиллерийских полков и офицеров штаба артиллерии дивизии.

У С.С. Варенцова за плечами почти двадцатилетний опыт службы в артиллерии, что позволяет ему безошибочно определить основные направления его работы. Обладая хорошими организаторскими способностями, он за относительно короткое время поднял уровень боевой подготовки артиллерии дивизии на должную высоту. Вскоре целенаправленная деятельность начальника артиллерии сказалась в плане готовности артиллерии обеспечить выполнение любых поставленных задач стрелковой дивизии.

Великая Отечественная. Т. 12 (1). М.: ТЕРРА, 1993. С. 38.

²¹ *Артиллерия* в наступательных операциях первого периода войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). Кн. 1. М.: Воениздат, 1964. С. 73.

Так, в 1940 году на тактическом учении дивизии в присутствии наркома обороны С.К. Тимошенко артиллерия дивизии в ходе учений с боевой стрельбой показала высокую боевую выучку, за что начальник артиллерии С.С. Варенцов был награжден золотыми часами с дарственной надписью наркома.

В то время, чтобы удивить наркома обороны С.К. Тимошенко в вопросах применения артиллерии, надо было действительно совершить что-то неординарное или сверхъестественное. Надо было прыгнуть выше себя в прямом и переносном смысле.

Заметим, что эти учения проводились после известного приказа наркома обороны № 120 от 16 мая 1940 года «О боевой подготовке войск на летний период», в котором был отмечен ряд недостатков по боевому применению артиллерии в советско-финляндской войне и даны строгие указания на их устранение.

Так, в ходе советско-финляндской войны командующий Северо-Западным фронтом С.К. Тимошенко в конце февраля 1940 года в своей директиве отметил: «Начарткоры и начартдивы зачастую сидят без связи с артгруппами и не могут руководить их огнем. В силу этого в нужных случаях не применяется маневр огнем, огонь всей артиллерии корпуса не сосредоточивается на важных тактических или опасных участках – обычно каждая артгруппа поддерживает только свою часть»²².

Далее командующий войсками фронта обращает внимание общевойсковых и артиллерийских командиров на то, что «одним из средств влияния на ход боя в руках командира корпуса и командиров дивизий является мощный сосредоточенный огонь артиллерии. Организация артиллерийского огня должна предусматривать возможность сосредоточения огня всей или большей части артиллерии корпуса (дивизии) на участках главного удара»²³.

Нельзя не отметить, что в подготовке артиллерии многое зависело и от командира дивизии. В этом плане С.С. Варенцову должны были по-доброму завидовать другие начальники артиллерии дивизий. Командиром 41-й дивизии был генерал-майор Г.Н. Микушев. «Широко эрудированный в военной области, – вспоминал бывший начальник штаба дивизии генерал-майор Н. Егоров, – с чудесным даром чувства нового, он, безусловно, являлся одним из подготовленных и передовых командиров. В его лице я видел военачальника с большим жизненным опытом и боевой практикой Первой мировой и Гражданской войн. До назначения в дивизию он несколько лет командовал полком в Чапаевской дивизии. Принципиальность и требовательность в сочетании с большой силой воли составляли основу его характера. Начальствующий состав относился к комдиву с должным уважением, ценя в нем подлинно заслуженный авторитет и положительные качества, пусть строгого, но всегда справедливого командира. Лично я восхищался его горячей любовью к военному делу и той неподдельной привязанностью, которую он проявлял к своей дивизии»²⁴.

Г.Н. Микушев хорошо знал характер современного боя, роль артиллерии в этом бою и был прекрасным организатором боевой подготовки частей и подразделений дивизии. И что надо особенно отметить, с первых дней войны командир 41-й дивизии показал образец уверенного управления частями дивизии в сложных условиях приграничного сражения.

В период совместной службы С.С. Варенцову под командованием Г.Н. Микушева, с одной стороны, было нелегко, но с другой – интересно и познавательно, ведь самые трудные задачи были по плечу при полном взаимопонимании командира дивизии и начальника артиллерии. Командир дивизии никогда не оставался безразличным к проблемам начальника артиллерии дивизии, при необходимости всегда оказывал ему реальную помощь.

---

²² *Тайны и уроки зимней войны, 1939–1940.* СПб.: Полигон, 2002. С. 353

²³ Там же. С. 354.

²⁴ Военно-исторический журнал. 1959. № 4. С. 61.

К сожалению, в отечественной историографии недостаточно внимания уделялось военачальникам тактического звена, которые воевали умело и жестко с первых дней войны. Одним из таких командиров был генерал-майор Г.Н. Микушев.

Вся последующая деятельность генерал-майора Г.Н. Микушева и полковника С.С. Варенцова позволяет с уверенностью утверждать, что командир дивизии и его начальник артиллерии целенаправленно и настойчиво работали над искоренением недостатков в боевой подготовке артиллерии и не случайно добились высоких результатов в управлении артиллерией дивизии.

И то, что после советско-финляндской войны боевая подготовка артиллерии 41-й стрелковой дивизии была удостоена высокой оценки наркома обороны С.К. Тимошенко, ярко свидетельствовало об отношении С.С. Варенцова к исполнению своих служебных обязанностей, о его любви к своему роду войск и о его высоком потенциале будущего крупного артиллерийского военачальника. Такие, как С.С. Варенцов, В.И. Казаков и другие артиллерийские военачальники – будущие командующие артиллерией фронтов (армий, корпусов, дивизий), командиры артиллерийских корпусов (дивизий) прорыва, – были призваны искоренить недостатки в устоявшейся системе подготовки артиллерии. И они это сделали, хотя и не сразу, и артиллерия во время Великой Отечественной войны по праву была «богом войны».

Работу С.С. Варенцова в должности начальника артиллерии 41-й стрелковой дивизии объективно оценили его непосредственные и прямые начальники в аттестации, написанной 29 ноября 1940 года (приложение 1).

В ноябре 1940 года С.С. Варенцов назначается заместителем начальника артиллерии 6-й армии. Новый уровень, новые задачи и... новые проблемы, которые надо было решать.

Командовал 6-й армией генерал-лейтенант И.Н. Музыченко. В свое время он был командиром полка в 4-й кавалерийской дивизии, которой командовал Г.К. Жуков. В советско-финляндской войне И.Н. Музыченко командовал стрелковой дивизией. В августе 1941 года под Уманью был тяжело ранен, попал в плен, где вел себя достойно и мужественно. Лишь через много лет американский историк Даллин в своей книге «Немецкое правление в России 1941–1945 гг.» опубликует найденный им в немецких архивах доклад о допросе командующего 6-й армией 9 августа.

Вот, оказывается, что сказал генерал И.Н. Музыченко только что схватившим его врагам: «Русские будут сражаться до последней капли крови даже в Сибири, потому что, когда речь идет о судьбе родины, ошибки, совершенные режимом, не имеют значения».

Надо иметь в виду, что это не стенограмма, а немецкое штабное изложение его слов, записанное каким-то военным переводчиком, потом включенное в некий сводный доклад, а теперь переведенное с немецкого на английский и уже с английского – на русский. «Уверен, – пишет известный поэт Е. Долматовский, – что слово «режим» Музыченко не мог употребить, такого слова не было в его словаре, вообще в нашем словесном обиходе тех времен. Но позиция командарма-6 ясна и определена!»²⁵

Когда предложили генералу И.Н. Музыченко стать изменником, то он, в отличие от предателя А. Власова, выразил свое отношение к предлагавшим настолько определенно, да так по-русски крепко и забористо, что больше с ним на эту тему разговоров не заводили. «Человек он был гордый и непреклонный: китель генерал-лейтенанта со знаками различия он не позволил с себя снять, так и ходил до самого освобождения в нем, а сверху арестантская роба. И генеральскую фуражку с головы не снимал, во всяком случае, из рук не выпускал. Там под околышем были спрятаны два ордена Красного Знамени и медаль «XX лет РККА». Так что

---

²⁵ Цит. по: *Долматовский Е.А.* Зеленая брама: Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1985. С. 75.

вернулся из плена И.Н. Музыченко при орденах и по форме, которая давно была заменена новой – с погонами»²⁶.

Вот таким патриотом был командарм И.Н. Музыченко. Общение с этим военачальником до войны многое дало С.С. Варенцову в плане поддержания боевой готовности и организации боевой подготовки артиллерии в армии.

Безусловно, тон и направления сосредоточения основных усилий в боевой подготовке войск должны были задавать командующие войсками военных округов. Однако многие из них, получив высокие должности, не оправдали возлагаемых на них надежд.

Сослуживец С.С. Варенцова по округу К.К. Рокоссовский еще до начала войны отмечал слабую подготовку командующего Киевским Особым округом генерала М.П. Кирпоноса. «Надежда на то, что полевая поездка (май 1941 года. – Ю. Р.) явится началом мероприятий по приведению войск в состояние боевой готовности, а их расположения – в соответствие с боевой обстановкой вероятного нападения немцев, не оправдалась.

Разбор полевой поездки, произведенный командующим округом, был весьма бледным, не дающим возможности определить, что преследовалось этим мероприятием. У меня лично, да и у многих генералов сложилось весьма невыгодное впечатление о командующем округом генерале М.П. Кирпоносе. Не по плечу ему была ответственная должность²⁷.

На совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 года недостатки в боевой подготовке все выступающие военачальники видели в низкой квалификации большинства командного состава Красной армии. А какую оценку можно дать командованию округов, если командующий войсками Московского военного округа генерал армии И.В. Тюленев в основном докладе на тему «Характер современной оборонительной операции» отметил: «Ни в нашей, ни в заграничной военной литературе нет полного изданного труда, в котором были бы изложены основы оборонительных действий, теория обороны в оперативном масштабе, в масштабе, скажем, армейской операции. Таким образом, мы не имеем современной обоснованной теории обороны, которую могли бы противопоставить современной теории и практике глубокой армейской наступательной операции».

Но ведь принципы организации и ведения оборонительной операции, правильность которых подтвердилась в ходе Второй мировой войны, были подробно изложены в работе А.И. Егорова «Основы операции и боя», переведенной, кстати, на немецкий и французский языки²⁸.

Правомерен вопрос: какая «теория обороны» нужна командующему войсками округа – участнику ряда войн и написавшему после Великой Отечественной войны мемуары под названием «Через три войны»? Военачальнику такого уровня самому необходимо принимать активное участие в военно-научной работе, как это делали, например, немецкие генералы Гудериан, Лееб, Роммель и др., а не ждать указаний и рекомендаций сверху.

К сожалению, и начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа (ПрибОВО) генерал-лейтенант П.С. Кленов, принимая участие в обсуждении доклада И.В. Тюленева, самым важным в основном докладе определил: «Ценное для нас в докладе генерала армии т. Тюленева заключается в том, что вопрос оборонительной армейской операции на сегодня, как и в прошлом, является вопросом наименее освещенным. Это во-первых. Во-вторых, мы, в частности в том округе, где я работаю, проводя такую же оборонительную армейскую операцию, принуждены изыскивать эти формы и, естественно, в известной степени кустарничать в этом вопросе. Трудность исследования этого вопроса заключается в том, что опыт современных войн, хотя бы тех, что мы наблюдаем за последние годы, если исключить из этого войну в

²⁶ Долматовский Е.А. Зеленая брама: Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1985. С. 156.

²⁷ Корольченко А.Ф. Маршал Рокоссовский. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 28.

²⁸ Португальский Р.М. Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок...». М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 137.

Испании, не дает нам ярких примеров оборонительных действий, подвергшихся воздействию крупных масс танков и оказавших им сопротивление на всю глубину».

По выступлениям на декабрьском совещании 1940 года можно уверенно судить, что обороной в округах серьезно не занимались, раз командование округов плохо себе представляло армейскую оборонительную операцию и занималось «кустарничеством». К сожалению, опыт ведения боевых действий вермахтом в Западной Европе плохо изучался командованием военных округов, и поэтому он не нашел должного отражения в боевой подготовке наших войск перед Великой Отечественной войной. В связи с этим на тактических учениях не создавалась соответствующая оперативно-тактическая обстановка, в которой артиллерийские начальники и командиры могли готовить артиллерию к ведению боевых действий в оборонительных операциях, особенно при «блицкригском» развитии событий.

Правомерен вопрос: какие же еще нужны войны, когда полыхала вся Западная Европа, чтобы командование округов, особенно приграничных, разобралось в тенденциях развития современных оборонительных и наступательных операций? А между тем немцы признавали, что «именно русские впервые выдвинули идею массирования подвижных соединений»²⁹. В то время, когда немцы учились у Красной армии массированию подвижных соединений, наши военачальники не знали, как этому противостоять. В связи с этим появлялись проблемы у начальников родов войск, специальных войск и служб. Если неизвестно, как будут обороняться в условиях маневренной войны общевойсковые объединения, соединения, части и подразделения (на учениях такие вопросы вообще не отрабатывались), то как тогда организовывать применение артиллерии, ПВО, тыловое обеспечение и т. д.?!

Основная функция органов управления артиллерией армий перед войной заключалась в осуществлении контроля боевой готовности и подготовки артиллерии корпусов и дивизий. В состав 6-й армии входили: 6-й и 37-й стрелковые корпуса, 5-й кавалерийский корпус, 4-й и 15-й механизированные корпуса. Полгода пребывания С.С. Варенцова в должности заместителя начальника артиллерии армии ушли как раз на поездки в стрелковые корпуса для ознакомления с состоянием боевой подготовки артиллерии соединений.

Сергей Сергеевич добросовестно поделился с начальниками артиллерии корпусов и дивизий своим опытом в поддержании артиллерии дивизии в постоянной боевой готовности, подготовке ее к боевым действиям и управлении ею в ходе боевых действий. Такие поездки в войска позволили С.С. Варенцову не только распространить свой опыт, но и изучить опыт других артиллерийских начальников и командиров. Сергей Сергеевич по своему складу характера не ограничивался поверхностным изучением проблемы, он старался выявить причины появления того или иного недостатка и определить пути его устранения. Вышестоящее командование по достоинству оценило его вклад в повышение уровня боевой подготовки артиллерии 6-й армии за это короткое время и решило его назначить на более самостоятельную должность.

В марте 1941 года С.С. Варенцов возглавил артиллерию 6-го стрелкового корпуса этой же армии. До начала войны оставалось три месяца.

6-й стрелковый корпус включал в себя 41, 97 и 159-ю стрелковые дивизии, корпусной артиллерийский полк первого типа, корпусной артиллерийский полк второго типа и зенитный артиллерийский дивизион.

Корпусной артиллерийский полк первого типа состоял из двух дивизионов 107-мм, 122-мм пушек (24 орудия), дивизиона 152-мм гаубиц-пушек (12 орудий) и разведывательного артиллерийского дивизиона.

Корпусной артиллерийский полк второго типа имел три дивизиона 152-мм гаубиц-пушек (36 орудий).

---

²⁹ Гальдер Франц. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 3. М.: Воениздат, 1971. С. 34.

Все дивизионы этих полков были трехбатарейного состава, по 4 орудия в батарее.

В отдельный зенитный артиллерийский дивизион корпуса входили три батареи 76-мм зенитных пушек.

Как военного человека, С.С. Варенцова не могло обмануть предчувствие надвигающейся беды. Для него, как и для тысяч других командиров, было ясно, что вот-вот грянет война. В июне 1941 года артиллерия 6-го стрелкового корпуса находилась в лагерях Львовского полигона. В воскресенье 15 июня 1941 года на полигон прибыл начальник артиллерии Киевского Особого военного округа Н.Д. Яковлев. В своих воспоминаниях он писал: «Помнится, все находившиеся в тот день на полигоне старшие артиллерийские начальники единодушно высказали опасения о возможном нападении фашистской Германии на нашу страну. Такое их мнение разделял и я»³⁰. Одним из этих безымянных начальников был С.С. Варенцов, и, вероятно, он не ограничился только высказыванием своего мнения о возможном нападении врага. Вся его последующая военная деятельность убеждает нас в том, что Сергей Сергеевич не мог не предложить вернуть артиллерию корпуса в пункты постоянной дислокации, так как это вполне соответствовало здравому смыслу. «Поразмыслив, – вспоминал будущий маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, – я под свою личную ответственность приказал поставить на дежурство (естественно, в «учебных» целях) один дивизион 85-мм и дивизион 37-мм пушек. Остальные артиллерийские парки потребовал убрать с поля на опушку леса, а затем проверить их маскировку с воздуха. Большого я предпринять тогда не мог»³¹.

20 июня 1941 года командующий 6-й армией генерал-лейтенант И.Н. Музыченко издал короткий приказ: «Штабам корпусов, дивизий, полков находиться на месте. Из района дислокации никуда не убывать. На всякие учения, связанные с отрывом от районов дислокации, испрашивать разрешения Военного совета армии. Батальоны с оборонительного строительства не снимать»³².

Через некоторое время командир корпуса вызвал С.С. Варенцова в штаб корпуса, чтобы все начальники родов войск и служб находились под рукой, а артиллерия 6-го корпуса осталась на полигоне.

Для прикрытия с воздуха мест постоянной дислокации войск 6-й армии вечером 20 июня в соединения поступил приказ об отзыве с лагерных сборов зенитных дивизионов дивизий и развертывании их на огневых позициях в состоянии повышенной готовности. Каждой зенитной батарее на огневых позициях было приказано иметь окончательно снаряженными 9,25 боекомплекта снарядов. Но сигнал для открытия огня определен не был³³. Сергею Сергеевичу в это непростое время необходимо было проконтролировать выполнение данного приказа подразделениями зенитной артиллерии, поскольку они подчинялись начальнику артиллерии корпуса.

---

³⁰ Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М.: Воениздат, 1981. С. 56.

³¹ Там же.

³² Рунов В.А. Жуков против Гальдера. Схватка военных гениев. М. Яуза; Эксмо, 2010. С. 186.

³³ Там же. С. 187.

Глава 2

Суровые испытания

Война для С.С. Варенцова началась 22 июня 1941 года в третьем часу ночи, когда в штабе 6-го стрелкового корпуса была получена директива наркома обороны о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность.

«Находясь в артиллерийских лагерях, – вспоминал маршал артиллерии К.П. Казаков, – дивизионные и корпусные полки были оторваны от своих соединений и удалены от них на весьма значительные расстояния. Да и в самих лагерях далеко не все полки находились в полном составе: в это время их дивизионы поочередно проводили боевые стрельбы на артиллерийских полигонах.

Для того чтобы во всеоружии вступить в войну, артполки должны были сначала вернуться на зимние квартиры, где оставалось много боевого имущества, транспортных средств и НЗ, хранившихся на складах на случай войны. И вот с началом военных действий в условиях господства в воздухе вражеской авиации, а порой и под артиллерийским обстрелом наши артиллерийские части спешно возвращались в места своего расположения, совершая тяжелые марши»³⁴.

Артиллерийские полки, возвращавшиеся к своим соединениям из лагерей и полигонов, долго не могли отыскать свои дивизии и установить с ними связь. Так, например, 229-й тяжелый артиллерийский полк 6-го стрелкового корпуса, поднятый по тревоге на Львовском полигоне, выступил на фронт, когда война уже началась. По плану полк должен был поддерживать части 159-й стрелковой дивизии. Один батальон этой дивизии командир полка Ф.В. Винарский нашел только к четырнадцати часам. Связь же с начальником артиллерии корпуса полковником С.С. Баренцевым он установил лишь на четвертые сутки...

Гаубичный артиллерийский полк 159-й стрелковой дивизии 6-го стрелкового корпуса был использован как пехота, не было средств тяги³⁵.

Так что в создавшейся обстановке начальнику артиллерии 6-го корпуса стоило немалого труда подтянуть некоторые артиллерийские части к району боевого предназначения.

Тем не менее благодаря высоким организаторским способностям С.С. Варенцова, его быстрой реакции на происходящие события большая часть артиллерии корпуса начала боевые действия организованно и умело, обеспечивая оборонительные бои и отход стрелковых частей в направлении Львова.

Первым действительно неприятным сюрпризом для немцев стали действия родной для Сергея Сергеевича 41-й стрелковой дивизии 6-го стрелкового корпуса, находившейся южнее направления главного удара немецких войск.

Так как командир 41-й стрелковой дивизии генерал-майор Г.Н. Микушев имел самое непосредственное отношение к становлению С.С. Варенцова как начальника артиллерии дивизии, нелишне рассмотреть более подробно действия этой дивизии в приграничных сражениях.

В соответствии с планом прикрытия государственной границы 41-я стрелковая дивизия должна была совместно с частями укрепленного района оборонять заблаговременно оборудованную у границы полосу и не допускать прорыва противника на территорию СССР.

Передний край обороны частей дивизии проходил в 10 километрах от границы. Перед фронтом обороны дивизии создавалось предполье (в современной терминологии – полоса

---

³⁴ Казаков К.П. Всегда с пехотой, всегда с танками. М.: Воениздат, 1973. С. 12–13.

³⁵ Надысев Г.С. На службе штабной. Рига: Лиесма, 1972. С. 22–23.

обеспечения). Его должны были оборонять передовые отряды, выделенные от каждого полка первого эшелона в составе усиленного стрелкового батальона.

Частям 41-й стрелковой дивизии удалось занять назначенные планом участки обороны. Несмотря на то что распоряжение военного совета 6-й армии на вскрытие пакетов с планом действий на случай войны было получено штабом дивизии только 22 июня в пять часов тридцать минут, подъем ее частей по тревоге начался значительно раньше по решению начальника штаба дивизии полковника Н.В. Еремина, находившегося в лагере и получившего около 4 часов сообщение от комендантов пограничных участков о том, что противник крупными силами перешел государственную границу во всей полосе дивизии. Прибывший вскоре командир дивизии генерал-майор Г.Н. Микушев приказал частям выдвигаться на свои участки обороны.

Части 41-й дивизии, побатальонно выдвигаясь к границе, занимали свои участки, чему способствовало в первую очередь наличие полосы обеспечения, на преодоление которой противнику потребовалось 1,5–2 часа³⁶.

Натолкнувшись на организованное сопротивление, противник превосходящими силами стремился расчленив дивизию и одновременно искал пути ее обхода. Перед генералом Г.Н. Микушевым встала задача противодействия расчленению и окружению.

Избегать расчленения удавалось благодаря высокой активности обороны, которая проявлялась в первую очередь в нанесении контратак по группировкам противника, вклинившимся в оборону, а также перед передним краем обороны. В ходе отражения атак противника командир дивизии использовал широкий маневр силами и средствами, а также огонь артиллерии по изготовившемуся к наступлению противнику. Командир корпуса по предложению начальника артиллерии корпуса полковника С.С. Варенцова усилил 41-ю дивизию корпусным артиллерийским полком. Поддерживаемые огнем 152-мм гаубиц, воины дивизии за первый день боя уничтожили сотни гитлеровцев, подбили 30 танков³⁷.

Контратака в полосе обороны 41-й стрелковой дивизии была проведена двумя полками первого эшелона 23 июня после того, как противник понес значительные потери от проведенных огневых налетов артиллерии и вынужден был временно перейти к обороне. Удар наших частей оказался внезапным, и гитлеровцы начали отходить. Преследуя их, 102-й стрелковый полк подполковника Г.Г. Чумакова вышел к государственной границе на участке около восьми километров и углубился на вражескую территорию (точнее, оккупированную Германией территорию Польши. – Ю. Р.)³⁸. По некоторым данным, вклинение было осуществлено на глубину более чем 3 километра³⁹.

К исходу 23 июня противник, угрожая прорывом на участке левофлангового 139-го полка, потеснил его подразделения. Командир дивизии, не имея резервов, отвел 102-й полк в исходное положение, чтобы увеличить плотность войск за счет сокращения ширины полосы обороны и выделить силы для оказания помощи левофланговому полку, который был усилен артполком и, осуществив перегруппировку, перешел в контратаку, отбросив противника за линию укрепленного района.

В полдень артиллерия 41-й стрелковой дивизии провела несколько огневых налетов по главной группировке противника, действовавшей на направлении Томашув, Рава-Русская. В результате немецкое командование было вынуждено на несколько часов отложить намеченное на утро наступление.

---

³⁶ Военно-исторический журнал. 1986. № 7. С. 43.

³⁷ Военно-исторический журнал. 1992. № 6–7. С. 49.

³⁸ Там же. 1986. № 7. С. 43.

³⁹ Там же. 1992. № 6–7. С. 49.

В полосе 41-й стрелковой дивизии наносила главный удар 17-я армия противника. Еще 22 июня командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Рундштедт решил ввести здесь в сражение после захвата пехотой Равы-Русской 14-й моторизованный корпус. По его расчетам, это должно было произойти к утру 23 июня. Планы Рундштедта сорвала 41-я дивизия. Несмотря на яростный огонь немецкой артиллерии, массированные удары бомбардировщиков, полки дивизии совместно с батальонами Рава-Русского укрепрайона и 91-го погранотряда пять суток держали оборону против пяти пехотных дивизий немцев. Успеху обороны способствовала 8-я танковая дивизия 4-го мехкорпуса: в ночь на 26 июня она с тыла атаковала 97-ю легкую пехотную дивизию противника, пытавшуюся, в свою очередь, с юга выйти в тыл дивизии Г.Н. Микушева. 41-я стрелковая дивизия только по приказу командующего 6-й армией в ночь на 27 июня отошла на рубеж восточнее Равы-Русской⁴⁰.

Сергей Сергеевич знал, что ранним утром немцы бомбили Львов. Болела душа за семью: живы ли, успели ли эвакуироваться?

Первые часы и дни войны надолго остались в памяти Эрлены Сергеевны. «21 июня 1941 года, – рассказывает Эрлена Сергеевна, – она с матерью Екатериной Карповной готовились завтра, в воскресенье, выехать из Львова в пограничный городок Яворов в гости к отцу. В хлопотах незаметно промелькнула короткая ночь. Едва они прилегли на диван вздремнуть перед дорогой, как на город посыпались бомбы. Началась война. Когда началась вражеская бомбежка, мама произнесла: «Как отец был прав: он говорил, вот-вот начнется война, но мы победим!» Наскоро одевшись и захватив с собой самое дорогое, что было в их квартире, – золотые часы, подаренные папе наркомом обороны за отличную боевую подготовку артиллерии 41-й стрелковой дивизии, они с трудом добрались до вокзала, откуда отправлялся эшелон с эвакуированными.

Нина, побегав, нашла в одном из вагонов одно свободное верхнее место. Так втроем мы и разместились на одном верхнем месте. Людям на нижней полке Нина сказала, что мы семья военных, но нас на нее не пустили. Мама и сестра были в платьях, а я как была в пижаме, так и осталась в ней.

Вагон проверили, и поезд тронулся. Куда? Неизвестно! Я не буду описывать, сколько этот эшелон останавливался, так как часто налетала немецкая авиация и бомбила без конца. Я через узкое окошко без стекла устанавливала по звуку мотора, какой самолет летит – немецкий или наш. При налетах авиации эшелон останавливался и все разбегались по укрытиям. Если у немцев заканчивались бомбы, они начинали обстреливать из пулеметов всех подряд: детей, женщин, стариков. В течение полутора месяцев мы добирались до Куйбышева. Надо отметить, что на станциях-остановках нас ждали. Были развернуты кухни с питанием, подготовлена одежда, одеяла, полотенца. Это было почти счастье! Но вскоре мы услышали, что поезд в Куйбышеве останавливаться не будет, а пойдет в город Ош (Киргизия. – Ю. Р.) и там нас оставят. Мы были расстроены, поскольку в Куйбышеве жили родственники жены папиного брата Николая. Тогда мы приняли решение: как только эшелон будет проходить мимо вокзала, он пойдет медленнее, а мы за это время должны покинуть вагон.

Так мы и сделали. И оказались в городе Куйбышеве.

Нашли комнату на первом этаже в том же доме, где жила бывшая жена брата Николая (спасибо ей), у какого-то старика. Поселились в пристройке к дому с окном и двумя кроватями без матрасов. Но мы и этому были очень рады – не бомбят, не стреляют. Но где же папа, наш любимый, родной?»

Сергей Сергеевич нашел свою семью только в начале 1942 года.

---

⁴⁰ *Статюк И.* Оборона Западной Украины в 1941 г. М.: Издательский центр «Экспринт», 2006. С. 11.

«Мы слышали, – продолжает дочь полковника Эрлена Сергеевна, – что папу наградили орденом и присвоили звание генерала... Нина пошла работать на завод артиллерийских снарядов, мама – на почту, а я – во второй класс.

Отапливать с осени комнату решили так: купили две керосинки и почти каждый день стояли в очереди за керосином. Уходя, все выключали, приходили – все включали и нагревали комнату. Мне сестра принесла из госпиталя (где тоже подрабатывала) выброшенную сломанную кровать.

Аттестата, пайка мы не получали. От папы не было никаких известий. Он не знал, живы все мы или нет. От холода и голода у меня начались ячмени на глазах, но я все равно ходила учиться!

Мы хотели сообщить о себе отцу. Но как это сделать? Адреса его мы не знали, да и нахождение отца, по всей видимости, менялось с изменением линии фронта. Способ оповестить придумали простой и даже наивный: на заводе в каждый снарядный ящик закладывать записку с нашим адресом.

И вот, это было в начале 1942 года, мы входим в комнату хозяина с керосиновыми бутылками (проход к нам был через его комнату), а в ней – папа! Шинель на нем расстегнута, на груди виден орден Ленина. Я, как всегда с раннего детства, кидаюсь ему на шею. Наконец-то мы увидели своего родного, любимого живого папу!

Папа уехал быстро, забрал Нину на фронт. Мы стали получать паек, жили там же, пока не пришло разрешение в начале мая 1942 года выехать в Дмитров Московской области к матери моего отца. А там нас ждало разрешение Верховного Главнокомандующего выехать к папе на фронт».

Бои подо Львовом продолжались с большим ожесточением. Но силы были не равны. Немецкие войска ворвались во Львов 30 июня.

Общий отход войск Юго-Западного фронта продолжался и 3 июля и проходил в условиях острого недостатка боеприпасов, ГСМ, продовольствия. Потеря большого количества складов, сосредоточенных к началу боевых действий у границы, лишила войска фронта заранее созданных запасов. Поспешно отходя, наши войска не успевали эвакуировать или уничтожить большие запасы вооружения, горючего, боеприпасов, продовольствия и другого снаряжения.

6-й стрелковый корпус, избежав окружения подо Львовом, отходил на восток. В трудное положение попали 97-я и 159-я стрелковые дивизии, которые, понеся в приграничном сражении большие потери, разрозненными частями и группами отходили по разным дорогам в восточном и юго-восточном направлениях, предпринимая попытки оторваться от преследовавшего их противника.

Остатки 6-го стрелкового корпуса сосредоточились в районе Черный Остров. 99-я стрелковая дивизия после кровопролитного боя в районе Бережаны разрозненными частями отошла в направлении Сатанова. Штабу 6-й армии было известно, что один ее стрелковый полк закрепился на рубеже Тарногруда – Бубновка, но никаких данных о местонахождении штаба дивизии и двух других полков так и не поступило⁴¹.

Утром 15 июля генерал Кирпонос приказал командованию 26-й армии подчинить себе 6-й стрелковый и 5-й кавалерийский корпуса, группу генерала Ф.Н. Матыкина и, нанеся удар с юга, овладеть районами Фастов, Брусиллов, Попельня.

Наступление 26-й армии в тот день организовать не удалось. В соприкосновении с противником оказались лишь 6-й стрелковый корпус и сводный погранотряд. Да и им было не до атак: они сдерживали превосходящие силы врага на очень широком фронте. А возможно-

---

⁴¹ *Иринархов Р.С.* У Днепровских круч... М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. С. 69.

сти их были невелики. Ведь 6-й стрелковый корпус генерала И.И. Алексева, так и не успев пополниться, вновь оказался в тяжелых боях⁴².

16 июля части 14-го моторизованного корпуса вермахта, обойдя правый фланг войск 6-й армии Юго-Западного фронта, заняли Белую Церковь. Оборонявшиеся в этом районе части 6-го стрелкового корпуса отошли на восток и закрепились на рубеже река Протока, Песчаное, разъезд Роток, река Рось (у села Шкаровка).

Дальше этого рубежа противник продвинуться в этот день не смог. Командир 6-го стрелкового корпуса генерал И.И. Алексеев перегруппировал свои силы и организовал контрудар, в результате которого части противника были отброшены за дорогу Васильков – Белая Церковь.

К исходу 31 июля 6-й стрелковый корпус отошел на рубеж хутор Макаровский – Казимировка – Кагарлык. В дальнейшем корпус, упорно обороняясь, на ходу пополняясь людьми, техникой и вооружением, занял оборону за Днестром в районе Канев – Золотоноша.

Следует отметить, что в начале войны начальники артиллерии корпусов (дивизий), в том числе и начальник артиллерии 6-го стрелкового корпуса полковник С.С. Варенцов, по причинам, изложенным выше, не массировали огонь артиллерии на опасных направлениях. Это был общий недостаток для всех артиллерийских начальников такого уровня. Недостатки в организации массированных, сосредоточенных и заградительных огней, отмечавшиеся еще накануне Великой Отечественной войны, в полной мере и с негативными последствиями выявились уже в ходе боевых действий. В докладе командующего артиллерией Юго-Западного фронта отмечено: «Массированный огонь артиллерии применялся весьма ограниченно; командующие артиллерией стрелковых корпусов (дивизий) и их штабы этим вопросом занимались мало. Управление артиллерийским огнем осуществлялось командиром дивизиона и иногда командиром артиллерийского полка. Связь и взаимодействие артиллерии с пехотой и танками были явно недостаточными, а порой отсутствовали. Командиры артиллерийских и стрелковых подразделений (частей) с первых же часов боя теряли друг друга, и каждый действовал по своему разумению, что приводило и к неорганизованности и в конечном счете к неудаче боя. Артиллерийские штабы полков, стрелковых дивизий и корпусов проявляли недостаточную гибкость и настойчивость в своевременной организации разведки, не стремились при первой же возможности управлять артиллерийским огнем. В результате артиллерия действовала, как правило, побатарейно, в лучшем случае в составе дивизиона. Массированный огонь в масштабе одной или нескольких артиллерийских групп применялся редко. Основным тормозом в использовании массированного огня артиллерии являлось явно недостаточное количество средств связи. Во многих артиллерийских полках средств связи было или очень мало (10–15 % к штатному количеству), или они отсутствовали. В результате этого усложнялось, а иногда становилось невозможным управление огнем артиллерии, происходило запаздывание с открытием огня, и нередко приходилось вести огонь с открытых или полузакрытых огневых позиций вне зависимости от тактической целесообразности»⁴³.

Обратим внимание, что в конце 1940 года был проведен специальный сбор начальников артиллерии округов и армий, на котором изучались вопросы боевого применения артиллерии в наступательной операции с прорывом укрепленного района и методы работы начальника артиллерии армии и его штаба по управлению крупными артиллерийскими массами. В свою очередь, в округах были проведены сборы начальников артиллерии стрелковых корпусов и дивизий.

К сожалению, аналогичный сбор артиллерийских начальников всех степеней по изучению вопросов боевого применения артиллерии в оборонительной операции перед войной не проводился.

---

⁴² Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. С. 227.

⁴³ Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 1. М.: Воениздат, 1958. С. 73.

Заметим, что начальники артиллерии армий, так же как и фронтов, своих штатных средств связи не имели. Предполагалось, что они будут обеспечиваться общеармейскими средствами связи. Первые же дни войны во всей полноте показали ошибочность такого решения. Кроме того, оснащение войск, в том числе и артиллерии, средствами связи было на низком уровне. В связи с этим командиры всех степеней имели слабые навыки в управлении войсками с помощью радиосвязи.

Данная проблема была обусловлена тем, что Наркомат обороны и Генеральный штаб Красной армии не проявили должной настойчивости в деле улучшения оснащения войск средствами связи как материальной основы управления войсками.

Между тем потребности Красной армии в средствах связи были так велики, что существующие мощности радиопромышленности не могли удовлетворить их. Это были серьезные просчеты руководства страны и Наркомата обороны в определении приоритетов в оборонной промышленности.

По этому поводу маршал войск связи И. Т. Пересыпкин в последующем сетовал, что он «не может, к сожалению, привести ни одного случая, когда вопросы связи во всем комплексе рассматривались в высших инстанциях». Видимо, «связь считали второстепенным делом», поскольку и в Госплане, и в Наркомате обороны, и в Генеральном штабе «вопросы связи недооценивались». Именно «вследствие этого, – заключал маршал, – наша страна и Вооруженные силы оказались недостаточно подготовленными к войне в отношении связи»⁴⁴.

Поэтому уже в советско-финляндской войне взаимодействие общеармейских и артиллерийских командиров осложнялось отсутствием средств связи. «Слабая оснащенность командиров полевыми радиостанциями не позволяла командирам поддерживать оперативную связь»⁴⁵. Но что говорить о командирах частей и подразделений, если даже командующий 7-й армией не имел личной радиостанции⁴⁶. Устранить этот серьезный недостаток в оснащении войск современными средствами связи до Великой Отечественной войны не удалось. Даже психологически командиры всех степеней не были подготовлены управлять войсками с использованием радиосредств и рассчитывали в большинстве своем на связь по проводам, которая легко выводилась из строя противником. К вопросу оснащения артиллерийских штабов современными средствами связи мы еще вернемся.

Тяжелые бои на Украине принесли С.С. Варенцову боевой опыт, заставили переосмыслить, казалось бы, незыблемые каноны боевых уставов и наставлений, по-иному взглянуть на особенности боевого применения артиллерии в обороне. У командования сложилось о нем мнение как о мужественном, способном артиллерийском начальнике. В конце августа С.С. Варенцов был назначен начальником артиллерии 40-й армии, сформированной из части сил 37-й, 26-й армий и незначительного количества артиллерии. Командующим армией был назначен генерал-майор К.П. Подлас, а начальником штаба – генерал-майор З.З. Рогозный.

Противник тем временем продолжал продвигаться на Конотопском направлении. В начале сентября его передовые части прорвались к Десне. 28 августа командующий 40-й армией получил задачу немедленно преградить путь войскам Гудериана, заняв для этого оборону на рубеже Шостка – Короп – Малое Устье и далее по реке Десне.

Однако это была тяжелая задача для имевшей недостаточно сил и средств армии. Входящие в ее состав 135-я стрелковая дивизия и части 2-го воздушно-десантного корпуса уже побывали в боях, в которых понесли большие потери. 10-я танковая дивизия, выведенная в июле на формирование, успела к этому времени получить несколько десятков боевых машин.

---

⁴⁴ Пересыпкин И.Т. Связь в начальный период войны. М.: Воениздат, 1960. С. 45.

⁴⁵ Мерецков К.А. На службе народу. М.: Воениздат. 1983. С. 172.

⁴⁶ Мерецков К.А. На службе народу. М.: Воениздат. 1983. С. 173.

Так, в первом батальоне 19-го танкового полка имелось только 15 танков Т-34 и БТ. Такое же положение было и в других ее полках.

293-я стрелковая дивизия только сколачивалась из прибывающего пополнения и к тому же не имела боевого опыта.

Вот такими силами армии предстояло стать на пути сильной танковой группы Гудериана. И армия сражалась. 28 августа части 40-й армии атаковали 10-ю моторизованную дивизию группы, захватившую плацдарм на берегу Десны в районе Коропа. Проведенными контратаками противник был скован на плацдарме, и его дальнейшее наступление было на время приостановлено. Тем не менее обстановка складывалась таким образом, что можно было ожидать удара танковой группировки противника в полосе обороны слабой по составу 40-й армии. Но никакого укрепления этой армии силами и средствами предпринято не было. В этом заключалась еще одна причина киевской трагедии.

Ставка ВГК и Генеральный штаб значительно переоценили возможности Брянского фронта и его командующего генерал-лейтенанта А.И. Еременко в деле оказания реальной помощи соседнему Юго-Западному фронту, надеясь, что своими активными действиями с востока этот фронт свяжет боями танковую группу Гудериана и не позволит ей нанести удар в южном направлении.

А пока войска 40-й армии вели тяжелые бои на 125-километровом участке фронта, предпринимая героические попытки сбросить противника с захваченных им плацдармов на Десне в районе Пироговки и Коропа.

Но и противник использовал любую возможность для нанесения удара. Воспользовавшись отходом левого фланга 13-й армии, его части обошли 293-ю стрелковую дивизию и нанесли по ней удар с востока. Но воины необстрелянной дивизии полковника П.Ф. Лагутина не дрогнули при виде вражеских танков. Противник был встречен дружным ружейно-пулеметным огнем и артиллерийскими залпами.

Командующий 40-й армией своевременно усилил это направление 10-й танковой дивизией и частями 2-го воздушно-десантного корпуса. Во взаимодействии с частями 293-й дивизии они контратаковали 10-ю моторизованную дивизию противника и отбросили ее обратно за Десну.

Противник на фронте 40-й армии был на время задержан, а на ряде участков даже потеснен.

Следует заметить, что стрелковые и танковые части активно поддерживали артиллеристы 5-й противотанковой бригады, своевременно развернувшиеся в боевой порядок на направлении главного удара противника. Как начальник артиллерии армии значительную роль в этом сыграл С.С. Варенцов. Он понимал, что в условиях маневренной войны, когда противник за счет превосходства в сфере управления обеспечивал себе преимущества в силах и средствах на важных направлениях, необходимо противодействовать ему смелым маневром артиллерией. И особенно противотанковой артиллерией.

Варенцов один из первых артиллерийских начальников такого ранга правильно понял пагубность дробления противотанковых артиллерийских бригад. Так, например, в оборонительной операции Юго-Западного фронта в Западной Украине 5-я противотанковая артиллерийская бригада (а всего их было в приграничных военных округах 10) была придана 5-й армии, а в последней переподчинена командиру стрелкового корпуса. В корпусе полки бригады распределялись между стрелковыми дивизиями, а в дивизиях между стрелковыми полками. Таким образом, отдельная противотанковая бригада не использовалась как единая боевая единица: ее дивизионы действовали в стрелковых полках разрозненно. Следовательно, массированным атакам танков противника такое мощное противотанковое соединение, как бригада, не противопоставлялось.

В дальнейшем умелому и своевременному маневру артиллерией, в том числе и противотанковой, С.С.Варенцов придавал очень большое значение. Его по праву можно считать мастером маневра «огнем и колесами». Это звание он заслужил на полях сражений в самых крупных и значимых операциях Великой Отечественной войны.

Ну а пока искусство управления артиллерией Сергей Сергеевич постигал в сложных условиях первого периода войны, когда инициативой уверенно владел противник.

Тяжело приходилось в эти дни соединениям 40-й армии, сдерживающим натиск основных сил танковой группы Гудериана. Но армия не только оборонялась, она постоянно контратаковала выдвинувшиеся передовые части группы. Вот и 1 сентября соединения армии перешли в наступление, чтобы сдержать противника в междуречье Сейма и Десны.

10-я танковая дивизия, поддержанная дивизионами 5-й противотанковой артиллерийской бригады, атаковала противника в направлении Райгородок – Вольное – Короп. 135-я стрелковая дивизия наносила удар в направлении Рыботин – Короп. Наступление в этом направлении поддержали части 293-й стрелковой дивизии и 2-го воздушно-десантного корпуса.

В результате их совместного удара оборонявшаяся в этом районе 10-я моторизованная дивизия вермахта понесла большие потери.

Утром 2 сентября части 10-й танковой дивизии и воины-десантники освободили Короп, захватив пленных и много трофеев⁴⁷. Успешные действия соединений 40-й армии серьезно обеспокоили командующего 2-й танковой группой генерала Гудериана. Вот как он сам оценивал сложившуюся обстановку: «Учитывая наступление противника против моих обоих флангов и его активные действия перед фронтом, особенно против 10-й мотодивизии, мне показала сомнительной возможность продолжать наступление имеющимися в наличии силами. Поэтому я снова обратился к командованию группы армий «Центр» с просьбой предоставить в мое распоряжение 46-й танковый корпус»⁴⁸.

Для усиления 40-й армии командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник М.П. Кирпонос передал в ее состав 3-й воздушно-десантный корпус, который к 3 сентября занял оборону по реке Сейм на участке Хижки – Лисогубовская.

В дальнейшем не совсем целесообразные решения командующего войсками фронта ослабили 40-ю армию, которая противостояла подвижным соединениям 2-й танковой группы.

Воспользовавшись непродуманным снятием с полосы обороны 40-й армии некоторых ее частей и их переброской на Черниговское направление, части танковой группы Гудериана 3 сентября нанесли удар по обороне 293-й стрелковой дивизии и 28-го мотострелкового полка НКВД. Оборонявшиеся на широком фронте, наши части не смогли сдержать наступление мотопехоты и танков противника. Ворвавшись в полосу обороны дивизии, части противника разорвали ее единый фронт, заставив беспорядочно начать отход в разных направлениях.

5-я противотанковая артиллерийская бригада получила задачу от С.С. Варенцова подготовить противотанковый район по южному берегу ручья Стрижен в районе Тарасовка – Смелое – отметка 133.4 – Березенцев.

7 сентября 40-я армия с боями отходила на южный берег Сейма. Передовые отряды 3-й и 4-й танковых дивизий вермахта сумели переправиться за отходившими частями армии и захватили плацдармы на южном берегу реки, что создало угрозу их дальнейшего продвижения на юг.

Попытки частей противника форсировать Сейм на участке Хижки – Мельна были отбиты огнем нашей артиллерии. Действия 40-й армии затрудняло отсутствие резервов, да и связь со многими соединениями и частями была нарушена.

---

⁴⁷ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33. С. 251.

⁴⁸ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1998. С. 282.

Авиация противника подвергла жестокой бомбардировке штаб армии, находившийся в Конопоте, и двигавшиеся к городу эшелоны с частями 227-й стрелковой дивизии. Командующий фронтом в этих условиях приказал генерал-майору К.П. Подласу войсками его армии занять и удерживать рубеж Глухов – Черепово и далее по реке Сейм.

9 сентября в наступление перешли войска танковой группы Гудериана. И хотя С.С. Варенцов сделал все, чтобы артиллерия армии нанесла упреждающий удар по сосредоточениям немецких войск, сорвать их переправу через реку она не смогла. Очень мало было для этого артиллерии.

Генерал К.П. Подлас доложил в штаб фронта о прорыве противника и расщеплении надвое обороны своей армии и попросил помощи. Но помочь 40-й армии уже никто не мог. По состоянию на 12 сентября армия «насчитывает около пяти тысяч активных штыков, сотню орудий и десятков танков»⁴⁹. Но армия, даже расколота на две части, продолжала сражаться, пытаясь восстановить фронт своей обороны.

15 сентября части 40-й армии, не попавшие в кольцо окружения, отходили на восток к Сумам.

19—20 сентября 40-я армия (отряд Чеснова, 3-й воздушно-десантный корпус, 293-я и 227-я стрелковые дивизии, 1-я мотострелковая дивизия) занимала оборону на фронте Теткино – Ворожба – Ольшана.

26 сентября главком Юго-Западного направления маршал С.К. Тимошенко доложил в Ставку ВГК: «Оборона сейчас построена на силах 38-й армии, остатках 40-й армии, частях конницы и действиях авиации»⁵⁰. Войскам 40-й армии генерал-майора К.П. Подласа была поставлена задача прикрыть Сумское направление.

Артиллерия 40-й армии под командованием С.С. Варенцова встретила врага огнем пяти артполков и противотанковыми средствами, правда, остановить его не смогла, но урон нанесла значительный. Обстановка в те дни складывалась драматично, порой казалась безвыходной. Противник, разгромив основные силы Юго-Западного фронта, не остановился на достигнутых успехах и продолжал наступление.

Из письма офицера Победина С.С. Варенцову в госпиталь в 1944 году: «Тяжелые и горячие бои в 1941 года осенью под Ворожкой и Знаменкой. Вы лично руководили и спасали штабы 40-й. То был бой с бедой для жизни Вашей и Родины нашей, для Вас и для нас. Положение было критическим. Я смотрел смерти в глаза и с тех пор подружился с Вами. Пусть Вам припомнит память, как Вас окружили автоматчики. Пусть для интереса я больше не назову фамилий, а с лейтенантами и своим подразделением для Родины мы спасли «седую голову». Слово «седая голова» для нас любовное, для всех офицеров и бойцов Вашей артиллерии...»⁵¹

Немногие военачальники в тот не самый удачный период для Красной армии удостоивались такого искреннего уважения подчиненных.

В трудных условиях отступления, в осеннюю распутицу С.С. Варенцов обеспечил выход артиллерии армии на новый рубеж Щигры – Тим – Солнцево, сберег личный состав, транспорт и вооружение, за что был награжден орденом Ленина⁵². Таких военачальников, которым в октябре 41-го выпала такая честь, было немного. В период всеобщего отступления государство скупо награждало своих воинов.

Безусловно, С.С. Варенцов, талантливый артиллерийский начальник, не мог не переживать, что не всегда получается всей мощью огня артиллерии армии обрушиться на врага в нуж-

---

⁴⁹ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. С. 333.

⁵⁰ Цит. по: Иршиархов Р.С. У Днепровских круч... М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. С. 551

⁵¹ Семейный архив дочери С.С. Варенцова Э.С. Гончаровой.

⁵² Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 50.

ное время и на важных направлениях. Артиллерии было мало, да и недостатков в ее применении было более чем достаточно.

В тот период было очень много оснований, чтобы в приказе НКО № 0416/1909 от 25 октября 1941 года указывалось на то, что «многие общевойсковые (пехотные) командиры плохо знают боевые свойства артиллерии, не ставят ей боевых задач и часто неправильно применяют этот мощный род войск в бою». В целях лучшего боевого использования артиллерии, более тесного взаимодействия ее с другими родами войск, улучшения управления артиллерией и повышения ответственности общевойсковых и артиллерийских начальников за боевое применение артиллерии начальники артиллерии фронтов, армий, дивизий, бригад были назначены этим приказом заместителями соответствующих общевойсковых командующих (командиров)⁵³. Надо признать, что в какой-то степени таким артиллерийским начальникам, как С.С. Варенцов, это облегчало выполнение поставленных задач. Потому что С.С. Варенцов был начальником не по форме, а по содержанию, и в этот период война только начала свой жесткий отбор кадров.

Когда анализировались причины неудачного начала Великой Отечественной войны для Советского Союза в ранней и поздней советской историографии, то обычно внимание акцентировалось на «внезапном и вероломном нападении Германии на СССР», «подавляющем превосходстве противника в силах и средствах», «допущенных просчетах в оценке возможного времени нападения», «ошибках предвоенного оперативно-стратегического планирования», «массовых репрессиях в отношении военных кадров» и т. д. Приводилось также много других, иногда и заслуживающих внимания обстоятельств, но по большей части второстепенного и косвенного характера.

В современной российской историографии на основе данных, извлеченных из ранее засекреченных документов и материалов, а также анализа научно-исторической и мемуарной литературы многие авторы дают объективную и аргументированную трактовку хода военных событий. Особенно много внимания в последнее время уделяется обсуждению вопроса: с началом войны на чьей стороне было превосходство как количественное, так и качественное в личном составе, танках, артиллерии, самолетах и т. д.? В то же время ряд авторов обращает внимание на роль «человеческого фактора», утверждая, что воюет не железо, а воюют люди. С таким утверждением нельзя не согласиться, особенно если проследить это в сфере управления войсками, где особенно проявляются личностные качества командного состава и квалификация штабов всех инстанций.

В первом периоде войны (22 июня 1941 года—18 ноября 1942 года) наши войска потерпели ряд поражений в основном из-за того, что уступили противнику в умении командования и штабов руководить войсками в сложной боевой обстановке практически на всех уровнях управления.

Маршал Советского Союза А.М. Василевский, критически оценивая действия командного состава в начале войны, отмечал: «...первоначальные неудачи Красной армии показали некоторых командиров в невыгодном свете. Они оказались неспособными в той сложившейся обстановке руководить войсками по-новому, быстро овладеть искусством ведения современной войны, оставались в плену старых представлений. Не все сумели быстро перестроиться...»⁵⁴

Следует добавить, что перед войной советские инженеры сумели создать танки, артиллерийские орудия и самолеты, превосходящие по многим параметрам немецкие. Воины и командный состав показали готовность отдать жизнь. Но чтобы соединить передовую технику и самоотверженность солдата и офицера, нужен был третий и очень важный компонент – умелое

---

⁵³ *Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны.* Кн. 1. М.: Воениздат, 1958. С. 125.

⁵⁴ *Василевский А.М. Дело всей жизни.* 5-е изд. М.: Воениздат, 1984. С. 101.

управление войсками, что означало самостоятельную и инициативную деятельность командиров и штабов всех степеней при общей координации их действий старшими начальниками.

В войне с немецким вермахтом нужны были генералы и офицеры, способные «передумать» противника, лучше его организовывать боевые действия, лучше готовить войска к боевым действиям и лучше руководить войсками в ходе боевых действий. К сожалению, боеспособный командный корпус Красной армии в целом сложился только в ходе войны, а не был таковым перед ее началом. В суровых испытаниях выросла и закалилась целая плеяда талантливых полководцев и военачальников, тысячи командиров и офицеров штабов, показавших образцы умелого руководства подразделениями, частями, соединениями и объединениями в сложных условиях боевой обстановки. Одним из таких военачальников, вне всякого сомнения, был С.С. Варенцов.

До конца 1941 года соединения 40-й армии вели оборонительные бои на рубежах рек Десна и Тим, в январе-феврале 1942 года армия участвовала в боевых действиях на Курском и Белгородском направлениях.

Командующий 40-й армией генерал-лейтенант К.П. Подлас высоко ценил генерал-майора артиллерии С.С. Варенцова за его профессионализм, умение управлять артиллерией в самых сложных условиях. В эти первые, пожалуй, самые трудные месяцы войны стало видно, кто чего стоит. Сергей Сергеевич проявил свои блестящие командирские качества в критических ситуациях в полной мере, о чем свидетельствует боевая характеристика на него.

«Боевая характеристика⁵⁵ на заместителя командующего 40-й армией по артиллерии генерал-майора артиллерии Варенцова Сергея Сергеевича

Тов. Варенцов много труда и энергии приложил по созданию артиллерийских частей в период формирования армии, по укреплению боеспособности артиллерии, сохранению и приведению в порядок материальной части в период отхода.

Лично тов. Варенцов и его аппарат уделили большое внимание созданию новых артполков для дивизий, приложили много старания по изысканию и снабжению вооружением стрелковых частей армии.

Тов. Варенцов храбрый, волевой и решительный генерал. Уделяет максимум внимания умелому и решительному использованию артиллерии во всех видах боя. **По личной инициативе и по заданиям военного совета неоднократно выправлял тот или иной слабый участок наших войск** (выделено мной. – Ю. Р.). Систематически бывает в частях и принимает необходимые меры по повышению их боеспособности.

Тов. Варенцов удостоен правительственной награды – ордена Ленина. Среди начсостава, в частности артиллеристов, пользуется заслуженным деловым авторитетом.

Делу партии Ленина – Сталина и социалистической Родине предан.

Занимаемой должности заместителя командующего армией по артиллерии вполне соответствует.

П.п. Командующий 40-й армией

Генерал-лейтенант ПОДЛАС

П.п. Член Военного совета

Дивизионный комиссар МАЛИНИН

03.02.42 г.»

Из содержания боевой характеристики видно, что Сергей Сергеевич занимался не только вопросами боевого применения артиллерии. Он по личной инициативе принимал решения за общевойскового командира по сложившейся боевой обстановке на исправление сложных ситу-

---

⁵⁵ Военно-исторический журнал. 1992. № 6–7. С. 52.

аций на тех участках, где он в это время находился, и, как боевой генерал, никогда не боялся брать на себя ответственность, решительно управлял как общевойсковыми формированиями, так и артиллерией. Это свидетельствует, что в действительности по своей деятельности С.С. Варенцов являлся заместителем командующего армией не только по артиллерии. Так, кстати, он себя будет проявлять и в должности командующего артиллерией фронта. Известно, что командующий войсками фронта Н.Ф. Ватутин нередко посылал С.С. Варенцова на трудные участки, будучи в полной уверенности в правильных действиях Сергея Сергеевича по сложившейся ситуации.

В начале апреля армия была передана Брянскому фронту, в июле – Воронежскому и в их составе участвовала в Воронежско-Ворошиловградской операции 1942 года.

В ходе оборонительных сражений на Воронежском направлении в период с 28 июня по 5 июля 1942 года артиллерия 40-й армии уничтожила до 300 танков, 115 автомашин и 10 батальонов пехоты противника⁵⁶.

С.С. Варенцов одним из первых начальников артиллерии армий уяснил выгоды создания армейской артиллерийской группы как своеобразной подручной артиллерии командующего армией в обороне, а также хорошо освоил способы боевого применения и управления армейской артиллерийской группой при проведении контрударов в оборонительных операциях.

Попытки централизации управления артиллерией армии начались еще осенью 1941 года при проведении контрударов.

Форма централизованного управления через тактические артиллерийские группы рекомендовалась уставами еще задолго до Великой Отечественной войны. Несмотря на тяжелые для наших войск условия первого периода войны, эта форма управления получила дальнейшее развитие в первую очередь усилиями таких артиллерийских начальников, как С.С. Варенцов и В.И. Казаков.

При организации централизованного управления артиллерией особое значение приобретало наличие средств и достаточного количества связи разведки. Отсутствие централизованного управления артиллерией 40-й армии (а без него немыслимо широкое применение массированного огня артиллерии) летом 1942 года на Брянском и Воронежском фронтах объясняется тем, что в распоряжении начальника артиллерии армии имелась всего одна радиостанция, 45 телефонных аппаратов и 70 километров провода, семь грузовых машин. Это при наличии пяти стрелковых дивизий в первом эшелоне, одной дивизии и трех бригад во втором и при 121-километровом фронте обороны армии⁵⁷.

При наличии таких средств исключалась возможность поддерживать связь (даже во время затишья в боевых действиях войск) с пятью начальниками артиллерии стрелковых дивизий в первом эшелоне, четырьмя начальниками артиллерии стрелковых дивизий и бригад второго эшелона армии, армейской артиллерийской группой, армейским артиллерийско-противотанковым резервом, гвардейскими минометными частями, зенитными артиллерийскими полками и т. д.

Общевойсковая линия связи армий в то время также была слабой, а первоочередных абонентов у нее было слишком много. Поэтому начальнику артиллерии армии и его штабу поддерживать по такой линии даже эпизодическую связь с подчиненными было невозможно. Конечно, С. С. Варенцов, используя «право старшего», требовал от подчиненных артиллерийских командиров подавать линию связи снизу вверх и держал при себе от них офицеров связи со средствами передвижения. Это была вынужденная мера, поскольку позволяла начальнику артиллерии армии управлять артиллерией армии, хотя и с очень низкой степенью централизации.

---

⁵⁶ *Артиллерия* в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 1. М.: Воениздат, 1958. С. 293.

⁵⁷ *Артиллерия* в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 1. М.: Воениздат, 1958. С. 419.

Безусловно, это осложняло положение в артиллерийских частях, так как для обслуживания линий связи с огневыми позициями оставалось очень мало средств. Поэтому в ходе боя связь утрачивалась очень быстро, и огневые подразделения пытались устанавливать взаимодействие с ближайшими к ним стрелковыми подразделениями путем личного общения командиров в ущерб использованию дальнобойности артиллерии и заблаговременному открытию огня на поражение сосредоточенных сил противника.

Большой недостаток средств связи в течение длительного времени мешал применению массированного огня артиллерии и полному использованию боевых возможностей артиллерии.

Сергей Сергеевич на практике убедился, что в летних и осенних боях 1941 года управление артиллерией не отвечало требованиям современного характера ведения войны и по причине слабой подготовки штабов. Штабы артиллерии армий и корпусов, да и фронтов тоже, как правило, были недоукомплектованы, слаженность в работе была низкой. Штабы не сумели в новых условиях обеспечить твердое, непрерывное и централизованное управление артиллерией. Большой комплект средств связи в артиллерийских частях еще более усугублял трудности управления артиллерией. Нередко в связи с быстрым развитием боевых действий управление артиллерийскими частями утрачивалось, поэтому штабы не имели данных о положении и состоянии подчиненных артиллерийских частей и подразделений, что не позволяло принимать целесообразные решения по применению артиллерии.

Тем не менее роль армейских и фронтовых артиллерийских штабов в управлении артиллерией летом 1942 года уже начинала определяться, хотя и ограничивалась в основном организацией системы артиллерийского огня на начальный период боев, осуществлением наблюдения за поддержанием артиллерийских частей в боеспособном состоянии, получением более или менее регулярной информации о нахождении и состоянии артиллерии в ходе операции и, наконец, робкими еще попытками брать на себя организацию маневра и огня при решении таких задач, как нанесение контрудара, восстановление потерянного взаимодействия тех или иных артиллерийских частей со стрелковыми дивизиями и т. п. Поэтому Сергей Сергеевич уделял много внимания подбору штабных офицеров, слаженности их в работе при подготовке и в ходе боевых действий.

Вся последующая деятельность С.С. Варенцова в должностях начальника артиллерии армии и командующего артиллерией фронта подтверждает, что Сергей Сергеевич сделал правильные выводы из опыта управления артиллерией летом и осенью 1941 года.

Те артиллерийские начальники, которые проявили решительность и умение в организации огня и маневра артиллерией в целях массированного применения артиллерии на важных направлениях, а также правильно оценили роль артиллерийских штабов в управлении артиллерией, стали видными военачальниками. В первую очередь это относится к С.С. Варенцову и В.И. Казакову – командующим артиллерией фронтов, действующих на главном стратегическом направлении во второй половине Великой Отечественной войны.

В сентябре 1942 года командующим Воронежским фронтом генералом Н.Ф. Ватутиным С.С. Варенцов назначается начальником артиллерии 60-й армии. Командовал армией генерал-майор И.Д. Черняховский. Сначала взаимоотношения между командующим армией и начальником артиллерии армии не сложились. Как-то И.Д. Черняховский, подводя итоги боевым действиям под Воронежем, пришел к выводу, что артиллерия армии слабо привлекалась к второстепенным направлениям в интересах войск, действующих на главном направлении. Реактивная артиллерия вообще не участвовала в подавлении противника в траншеях. Командарм указал на это командующему артиллерией армии.

Понять С.С. Варенцова можно, он был старше И.Д. Черняховского и отнесся к замечаниям командующего армией с некоторым недовольством. О полученных от командарма указаниях со своими комментариями незамедлительно доложил по инстанции.

«Начальник реактивной артиллерии фронта после этого выразил Черняховскому свое неудовлетворение:

– Чем объясняется ваше вмешательство в дела артиллерии? Варенцов – крупный специалист, всегда пользовался доверием командующих армиями. Зачем вы пытаетесь нас подменить?»

– Речь идет не о подмене, а более эффективном использовании артиллерии, – ответил Черняховский.

– Ваши указания противоречат этому. Если вы намереваетесь и впредь вмешиваться в наши функции, мы вынуждены будем доложить командующему артиллерией и начальнику штаба фронта.

– Докладывать можете, но артиллерия, приданная армии, целиком и полностью подчиняется командарму. К тому же фронтовая артиллерия должна работать на общевойсковое объединение»⁵⁸.

О том, что генерал С.С. Варенцов тяжело воспринимает свое подчинение молодому командарму, стало известно члену Военного совета Кузнецову. Он поговорил с С.С. Баренцевым.

Впоследствии отношения И.Д. Черняховского с С.С. Баренцевым быстро нормализовались. Иван Данилович Черняховский понимал и умел прощать слабости, присущие тем или иным людям. При общении с подчиненными он был исключительно тактичен. Ему в этом помогали большой кругозор, хорошее знание военного дела, храбрость, умение держать себя в коллективе, чуткий подход к людям. Со своей стороны Сергей Сергеевич увидел много положительного в том, что армией командовал талантливый военачальник.

В этот период 60-я армия предпринимала ряд безуспешных операций с задачей освободить Воронеж. С.С. Варенцов пришел к выводу, что в результате разрозненных действий войск армии, и в частности артиллерии, а также неправильного выбора направления главного удара армии успеха ждать трудно. Прибывшему в армию генерал-лейтенанту артиллерии В.Г. Корнилову-Другову (заместителю Главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова) Сергей Сергеевич доложил свои соображения и получил согласие и необходимые рекомендации. Кроме того, Корнилов-Другов сам взялся за организацию и координацию действий 60-й армии с соседями. В результате артиллерия двух армий превратилась в мощную силу. Но осуществить операцию не пришлось – она была запрещена по неизвестным причинам.

Справедливости ради нужно сказать, что встреча с генералом В.Г. Корниловым-Друговым очень многое дала С.С. Варенцову и его штабу. Превосходно подготовленный в оперативно-тактическом отношении, разбирающийся во всех тонкостях планирования огневого поражения противника как в оборонительных, так и в наступательных операциях, генерал В.Г. Корнилов-Другов оказал значительную помощь в подготовке начальников артиллерии фронтов (армий) и их штабов. Об этом очень хорошо написал в своих воспоминаниях Г.С. Надывев:

«Поистине «академическую» выучку командующему (тогда еще начальнику. – Ю. Р.) артиллерией и его штабу преподавал заместитель командующего артиллерией Красной армии генерал-лейтенант артиллерии В.Г. Корнилов-Другов, который прибыл на фронт с представителем Ставки генералом Г. К. Жуковым.

...После тщательного ознакомления представителя Ставки с положением дел на Донском фронте было решено провести операцию на участке 1-й гвардейской армии с целью привлечь на себя основные силы противника и облегчить положение 62-й и 64-й армий, оборонявших Сталинград.

---

⁵⁸ Шаритов А.А. Черняховский. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 108.

Генерал Гусаков (начальник артиллерии фронта. – *Ю. Р.*) и я честно признались, что вряд ли сможем самостоятельно спланировать артиллерийское обеспечение предстоящей операции. Генерал Корнилов-Другов тут же взялся помочь нам.

Вначале он охарактеризовал современные наступательные операции. Дал основы планирования, расчеты для создания необходимой плотности артиллерийских средств, исходя из характера обороны противника, и многое другое. Затем мы вместе тщательно изучили обстановку по карте, отметили на ней участок прорыва, рассмотрели ведомость боевого и численного состава артиллерии по армиям и отметили, какие артиллерийские части РВГК можно взять на участок прорыва. Обсудили некоторые детали планирования огня.

После этого буквально под его диктовку мною был написан весь план боевого применения артиллерии в операции... Это был первый в моей практике серьезный план артиллерийского обеспечения пусть частной, но все же наступательной операции. План получился довольно стройный и выглядел примерно так:

Раздел I. Артиллерийские средства, привлекаемые на направлении главного удара в армии. Плотность.

Раздел II. Порядок вывода артиллерии и сроки ее готовности.

Раздел III. Планирование огня. График артподготовки. Методы поддержки атаки пехоты и танков.

Раздел IV. Обеспечение флангов и стыков.

Раздел V. Обеспечение боеприпасами по периодам наступления, на день боя и на операцию в целом.

Раздел VI. Коротко об управлении.

План этот, конечно, был далек от совершенства, в нем не были отражены многие вопросы, которые мы раскусили позднее, но серьезное начало современному планированию боевого применения артиллерии было положено.

Пока генерал Гусаков ходил в Военный совет и докладывал план (а отсутствовал он долго, Корнилов-Другов продолжал беседовать со мной. Он подробно рассказал о методах работы штаба. Очень много времени уделил составлению плана использования артиллерии в оборонительной операции и показал методы расчета противотанковых средств. Два дня шла интенсивная учеба, но я не уставал, был безмерно рад узнать то, что так могло пригодиться в работе. Теперь надо было трудиться, передавая приобретенные навыки планирования боевого применения артиллерийских масс во фронтовой операции своему штабу.

План без поправок был утвержден Военным советом и одобрен генералом Г.К. Жуковым.

Начальник оперативного отдела подполковник Ермаков быстро написал все боевые распоряжения и шифровки на переподчинение артчастей РВГК. Другие офицеры были направлены на аппараты связи с различными распоряжениями и на контроль их исполнения.

Корнилов-Другов, находясь в штабе, все время следил за нашей работой, давал советы, вмешивался, когда видел ошибки. Но при этом всегда был предельно тактичен, поправлял, не обижая, не задевая нашего самолюбия.

Он был очень скромен. Когда мы закончили составление плана артиллерийского обеспечения операции, генерал Корнилов-Другов после наших подписей написал: «План мною одобрен», – как будто бы этот план не был делом его ума, его рук.

Он не ограничился составлением плана и считал своим долгом проследить за его выполнением всем аппаратом штаба. Под его началом я, как и многие другие, впервые четко усвоил функции офицеров штаба артиллерии при планировании боевых действий артиллерии фронта в наступательной операции»⁵⁹.

---

⁵⁹ *Надысев И.С.* На службе штабной. М.: Воениздат, 1976. С. 54–56.

По всей видимости, такую же роль сыграл генерал-лейтенант артиллерии В.Г. Корнилов-Другов в подготовке С.С. Варенцова и его штаба. К сожалению, осенью 1942 года он погиб, но пользу своими выездами в войска принес неоценимую. Начальник артиллерии Красной армии Н.Н. Воронов прекрасно понимал, что подготовкой артиллерийских военачальников фронтового и армейского уровней надо заниматься серьезно, и привлекал для этого таких специалистов, как генерал Корнилов-Другов.

Несмотря на непродолжительное пребывание в должности начальника артиллерии 60-й армии, С.С. Варенцов, хорошо усвоив уроки и рекомендации генерала Корнилова-Другова, грамотно организовал систему противотанкового огня на глубину до 12–15 километров вдоль шоссе Воронеж – Задонск, обеспечил стыки и огневое взаимодействие двух армий.

Глава 3

Командующий артиллерией фронта

В начале октября 1942 года генерал С.С. Варенцов назначается командующим артиллерией Воронежского фронта (в октябре 1943 года переименован в 1-й Украинский фронт). Начался новый этап в военной жизни талантливого артиллериста-военачальника. Впереди было много операций по разгрому немецких войск под Воронежем и Курском, Киевом и Львовом, Берлином и Прагой. Сергей Сергеевич принял непосредственное участие в разработке и проведении в жизнь крупных операций по разгрому противника, в которых роль артиллерии была решающей.

Первые наступательные операции

В ходе развития контрнаступления советских войск под Сталинградом войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронта (6-я армия) развернули наступление на западном участке внешнего фронта окружения противника. Командовал войсками Воронежского фронта генерал-полковник Ф.И. Голиков. Ударами с севера и с востока по сходящимся направлениям была разгромлена 8-я итальянская и остатки 3-й румынской армии. Внешний фронт окружения с запада к концу декабря отодвинулся еще на 100–150 километров.

В декабрьской операции Воронежский фронт получил на усиление 8-ю артиллерийскую дивизию, которая была придана 6-й армии. В этой операции С.С. Баренцевым был получен первый серьезный боевой опыт применения крупных артиллерийских соединений⁶⁰. В связи с восстановлением корпусного уровня управления в этой операции в стрелковых корпусах появляются артиллерийские группы. В 15-м стрелковом корпусе 6-й армии, наносившем главный удар, была создана корпусная группа артиллерии дальнего действия (АДД). В армии такой группы не создавали, поэтому приданная армии 8-я артиллерийская дивизия была целиком передана на усиление корпуса. Корпусная группа АДД состояла из трех пушечных полков и артиллерийского разведывательного дивизиона.

Утром 16 декабря по степи клубился туман, сливался с морозной мглой, и вся эта белая пелена скрывала вражеские позиции от артиллерийских командиров и начальников. Как и в памятный день 19 ноября в Сталинградской битве, о применении авиации нечего было и думать. В 8 часов артиллерия Юго-Западного фронта и 6-й армии Воронежского фронта начала артиллерийскую подготовку, продолжавшуюся в течение полутора часов.

Эффективность артиллерийского огня оказалась низкой, а без огневой поддержки пехота топталась на месте. За первую половину дня войска продвинулись всего на 2–3 километра.

Утром 17 декабря после артиллерийской и авиационной подготовки соединения 1 – й гвардейской армии Юго-Западного фронта и 6-й армии Воронежского фронта возобновили наступление. Поддержка авиации и хорошо скорректированный артиллерийский огонь, мощный рывок четырех танковых корпусов сокрушили врага. За три дня боев ударные группировки взломали оборону противника. На участке 1-й гвардейской и 6-й армии прорыв составил 60 километров по фронту и до 40 километров в глубину. Наши войска перешли к стремительному преследованию противника. В ходе преследования 8-я артиллерийская дивизия была переподчинена стрелковым дивизиям и полкам. К сожалению, в ходе преследования командир артиллерийской дивизии не имел иногда связи со своими частями и поэтому лишился возможности в ходе операции быстро объединять под своим управлением основные силы дивизии. Не были в полной мере использованы основные преимущества организационной структуры артиллерийской дивизии, позволявшей быстро осуществлять массирование огня и маневр крупными силами артиллерии в ходе наступления. С.С. Варенцов и его штаб проанализировали все недостатки по применению мощного артиллерийского соединения и сделали соответствующие выводы. Впоследствии, в 1943 года, на основе приобретенного боевого опыта этот недостаток был в значительной степени устранен.

Используя успехи, достигнутые под Сталинградом и на Северном Кавказе, и общее изменение стратегической обстановки на советско-германском фронте в пользу Красной армии, войска Воронежского фронта при содействии части сил Юго-Западного и Брянского фронтов в январе – феврале 1943 года провели две наступательные операции с целью разгрома противника в районе верхнего течения Дона.

---

⁶⁰ Немцы сформировали и впервые применили артиллерийскую дивизию под Киевом осенью 1943 г.

Войска левого крыла фронта стремительным наступлением 40-й армии с плацдарма на реке Дон в районе Сторожевое – Урыв и 3-й танковой армии из района Кантемировка по сходящимся направлениям окружили острогожско-россошанскую группировку противника и одновременно ударом 18-го стрелкового корпуса с плацдарма в районе Щучьего расчленили ее на две части.

Для проведения Острогожско-Россошанской операции Воронежский фронт был усилен 8-й и 10-й артиллерийскими дивизиями, 4-й гвардейской минометной дивизией, 9-й зенитной артиллерийской дивизией и несколькими отдельными артиллерийскими полками РВГК. Таким образом, артиллерийские соединения получали все более широкое применение. Фронт имел превосходство над противником в артиллерии примерно в 1,5 раза.

С целью обеспечения решающего превосходства над противником в артиллерии на главном направлении командующий артиллерией фронта С.С. Варенцов организовал смелый маневр силами и средствами. В армиях левого крыла фронта, наносивших главный удар, было сосредоточено около 70 % всех орудий и минометов и более 96 % реактивной артиллерии.

Внутри армий маневр артиллерией был еще более значительный. За счет резкого ослабления второстепенных направлений на участках 40-й армии, 18-го корпуса и 3-й танковой армии, занимавших вместе менее 14 % общей протяженности их фронта (34 километра из 240), сосредоточивалось свыше 89 % полевой артиллерии, или 3150 орудий и минометов, 1028 боевых машин и установок реактивной артиллерии из имевшихся 1036. На участках прорыва было достигнуто 8—10-кратное превосходство над врагом в артиллерии⁶¹.

На участке прорыва 40-й армии оборона противника была наиболее плотной и насыщенной огневыми средствами. Кроме того, армии пришлось наступать без 4-го танкового корпуса, что соответственно ослабляло силу ударной группировки, в частности ее правый фланг. Все это еще больше повысило и без того ведущую роль артиллерии. Она должна была обеспечить прорыв вражеской обороны на всю ее тактическую глубину, не допустить контратак и контрударов противника по флангам, в особенности правому, содействовать разгрому резервов, расчленению и уничтожению неприятельской группировки.

Для выполнения столь широких задач, безусловно, требовались значительные силы артиллерии. По предложению С.С. Варенцова 40-я армия была усилена 10-й артиллерийской дивизией прорыва, имевшей восемь артиллерийских полков, 4-й дивизией реактивной артиллерии, состоявшей из двух бригад, и зенитной артиллерийской дивизией.

Благодаря этому, а также сосредоточению войсковой артиллерии 40-я армия смогла накануне Острогожско-Россошанской наступательной операции осуществить массирование артиллерийских средств на участке прорыва. Здесь армия имела по 108 орудий и минометов на 1 километр фронта, причем армейская артиллерийская группа дальнего действия состояла из одиннадцати дивизионов, имевших по шесть орудий калибра 122 мм и выше. Кроме вышеупомянутой дивизии реактивной артиллерии, в распоряжении имелись также четыре отдельных полка и один отдельный дивизион реактивной артиллерии.

Сосредоточение почти всей артиллерии на участке прорыва позволило в ходе подготовки в стрелковых полках создать артиллерийские группы поддержки пехоты. В их состав, кроме артиллерии стрелковых полков, привлекались для стрельбы прямой наводкой пушечные батареи дивизионной артиллерии и отдельные противотанковые дивизионы. Всего на прямую наводку было поставлено по 25 орудий на 1 километр фронта прорыва, в том числе часть 122-мм и 152-мм.

Большую пользу в период подготовки Острогожско-Россошанской операции принес артиллеристам разбор организации прорыва на примере начавшегося 16 декабря наступления 6-й армии. Такой разбор состоялся на совещании, проведенном командующим артиллерией

⁶¹ Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 184.

фронта генералом С.С. Баренцевым. Главное внимание С.С. Варенцова было обращено на взаимодействие артиллерии с пехотой и танками и на наиболее рациональное использование артиллерийских средств. На конкретных примерах он показал причины отставания артиллерии, недостаточно энергичного использования истребительно-противотанковых артиллерийских полков. «Благодаря этому, – вспоминал маршал К.С. Москаленко, – мы смогли заблаговременно принять меры к недопущению подобных недостатков, уточнить намеченный план развития артиллерийского наступления на всех этапах боя»⁶².

Но командование войск фронта прекрасно понимало, что успех операции в значительной степени зависел от внезапности действий наших войск. Одним из условий этого явилась скрытая перегруппировка крупных масс артиллерии, перемещавшихся на расстоянии от 50 до 200 километров при использовании небольшого количества маршрутов. Тесно взаимодействуя со штабом фронта, штаб артиллерии фронта тщательно организовал скрытую перегруппировку артиллерии.

Все передвижения артиллерии совершались только ночью, с соблюдением строжайших мер маскировки. Артиллерийские штабы установили тщательный контроль за своевременностью прибытия соединений и частей. Несмотря на ограниченное количество подготовленных маршрутов, частые снежные заносы и некомплект средств тяги, перегруппировка артиллерии была осуществлена в намеченные сроки, то есть с 27 декабря 1942 года по 8 января 1943 года.

В перегруппировке участвовали 8-я и 10-я артиллерийские дивизии, 4-я гвардейская минометная дивизия, 9-я зенитная артиллерийская дивизия и несколько отдельных артиллерийских полков РВГК. В последующем командующему артиллерией фронта генералу С.С. Варенцову придется организовывать перегруппировку и больших масс артиллерии, но эта была первая, без необходимого опыта. Прекрасные организаторские способности Сергея Сергеевича, а это отмечалось на всех этапах его служебной деятельности, позволяли ему решать самые сложные задачи по подготовке крупных масс артиллерии в операциях Великой Отечественной войны.

Операция началась 12 января действиями передовых батальонов 40-й армии. Атаке передовых батальонов предшествовала часовая артиллерийская подготовка. Она началась в 11 часов. На передний край противника обрушился огненный шквал. Он завершился мощным залпом двух дивизионов реактивной артиллерии М-13. В течение этого часа вражеские позиции обрабатывали бомбардировщики 291-й штурмовой авиационной дивизии. Передовые батальоны при содействии мощного артиллерийского огня захватили отдельные опорные пункты противника.

На рассвете 13 января была проведена артиллерийская подготовка – еще более мощная, чем накануне. Важную роль в ее успехе сыграло распределение задач и целей между артиллерийскими группами. Например, армейская артиллерийская группа, которую возглавлял командир 10-й артиллерийской дивизии полковник В.Б. Хусид, сначала наносила огневые удары по штабам и узлам связи. Нарушив таким образом управление вражескими войсками, она перенесла огонь на позиции артиллерии и минометов противника. Основная масса огневых средств врага не имела возможности отвечать, так как перестала получать данные наводки для стрельбы. Фигурально выражаясь, большая часть артиллерии противника как бы ослепла, оглохла и онемела⁶³.

Командующий артиллерией фронта нашел возможность еще больше усилить мощь огневого удара по противнику путем применения различных новшеств. Так, 120-мм минометы, которых в 40-й армии было 50, обычно действовали отдельными дивизионами (по 12–18 минометов в каждом). По указанию С.С. Варенцова все они были объединены в одну группу. Ее

---

⁶² Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Кн. I. М.: Наука, 1969. С. 378.

⁶³ Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. I. М.: Наука, 1969. С. 390.

огонь производил ошеломляющее впечатление. Он сметал проволочные заграждения вместе с кольями, взрывал целиком минные поля, разрушал перекрытия землянок, блиндажей, траншей, буквально выметая из них противника.

«Один из пленных, – вспоминал маршал К.С. Москаленко, – рассказал о гибели двух третей своей роты в течение 2–3 минут, пока она находилась под огнем советских минометов»⁶⁴.

Результаты артподготовки, выявленные после прорыва обороны противника, подтвердили ее высокую эффективность. На переднем крае и в глубине было разрушено множество дзотов, блиндажей, наблюдательных пунктов, узлов связи, стыков траншей и ходов сообщения, огневых позиций минометов и артиллерии.

О меткости артиллеристов и минометчиков можно судить по тому, что они достигли таких высоких результатов и при этом полностью уложились в установленную норму расхода боеприпасов. Наконец, о результатах артиллерийской подготовки на рассвете 13 января многое говорит тот факт, что после ее окончания наша пехота смогла пойти в атаку во весь рост⁶⁵.

Артиллерия хорошо взаимодействовала с пехотой и танками в глубине обороны противника. Примерно треть артиллерии находилась в боевых порядках позади пехотных цепей, сопровождала атаку пехоты и танков. Она уничтожала противотанковые средства противника и огневые точки, мешавшие продвижению пехоты. Другая треть огнем с закрытых позиций расчищала дальнейший путь пехоте и танкам, а последняя, меняя огневые позиции, приближалась к атакующим.

Управление артиллерией было централизовано командующими артиллерией армий. В их распоряжении была хорошо налаженная связь – по проводам и радио. Благодаря этому имелась возможность в нужный момент организовать массированный огонь по местам сосредоточения противника как на переднем крае, так и в глубине обороны. Создавая таким образом перевес мощных огневых средств, командующие артиллерией армий могли влиять на исход боя и обеспечивать войскам армии непрерывное продвижение вперед.

14 января перешли в наступление войска 18-го стрелкового и 3-й танковой армии. На участке прорыва 18-го корпуса артиллерия сумела также надежно подавить вражескую оборону. Командование корпуса признало результаты стрельбы группы артиллерии дальнего действия отличными. Корпус начал быстро развивать успех в глубину, навстречу войскам 40-й и 3-й танковой армий.

Справедливости ради нужно также сказать, что в ходе удачно развивающейся операции были недостатки в боевом применении артиллерии. Так, на участке прорыва 3-й танковой армии в результате неудовлетворительно проведенной разведки и недостатков планирования огня, а также из-за плохих условий наблюдения подавить систему огня противника в период артиллерийской подготовки не удалось. Вследствие этого войска армии, перешедшие в наступление, встретили упорное сопротивление. Низкие темпы прорыва вынудили командующего армией с целью быстрее завершения прорыва главной полосы обороны противника ввести в сражение танковые корпуса. Это решило исход борьбы.

Сломив сопротивление немецких войск, подвижные соединения 3-й танковой армии устремились в глубину. К 18 января 15-й танковый корпус установил связь с войсками 40-й армии в районе Алексеевка, а 12-й танковый корпус – с войсками 18-го стрелкового корпуса в районе Каменка. Группировки противника в районе Острогжск и Россошь были окружены.

В последующем нашим частям пришлось вести ожесточенные бои с большими группами врага, пытавшимися пробиться из окружения на запад. Во многих случаях исход боя зависел от смелых и инициативных действий артиллеристов.

---

⁶⁴ Там же. С. 391.

⁶⁵ Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. I. М.: Наука, 1969. С. 391.

Сильное сопротивление оказала группировка немецких войск, окруженная в Острогожске. Чтобы ускорить ее ликвидацию, по решению командования 40-й армии к городу была подтянута 10-я артиллерийская дивизия. Пушечные и гаубичные полки дивизии открыли сосредоточенный огонь по важнейшим опорным пунктам в городе, а легкие полки поддерживали наступление пехоты, перемещаясь в ее боевых порядках. Действия артиллерии в значительной степени способствовали взятию Острогожска нашими войсками.

Так как сплошной фронт окружения противника отсутствовал, его отдельным группам удавалось все же отходить на запад. Но они перехватывались небольшими отрядами наших войск, усиленными артиллерией, и уничтожались.

К 27 января войска фронта в основном закончили ликвидацию окруженного противника.

Из опыта первых наступательных операций С.С. Варенцов отчетливо уяснил требования, предъявляемые к организации боевого применения артиллерии: детальная разведка обороны противника; решительное массирование артиллерии и создание высокой плотности ее на участках прорыва; четкое планирование действий артиллерии на всю глубину наступления; создание устойчивой и легкоуправляемой группировки артиллерии, обеспечивающей непрерывное взаимодействие ее с пехотой и танками; смелый и быстрый маневр артиллерии и широкое применение массированного огня на всех этапах наступления.

Этим требованиям С.С. Варенцов следовал неукоснительно до конца войны и стал одним из ярких артиллеристов-военачальников.

Разгром острогожско-россошанской группировки противника создал благоприятную обстановку для нанесения ударов по флангам и тылу 2-й немецкой армии, оборонявшейся в районе Воронежа. Чтобы не дать противнику возможности отвести 2-ю армию из образовавшегося мешка, Ставка ВГК еще в ходе завершения Острогожско-Россошанской операции, без всякой оперативной паузы, развернула новую Воронежско-Касторненскую операцию. 20 января Ставка приказала войскам Брянского и Воронежского фронтов провести совместную наступательную операцию с целью освобождения важных узлов дорог Воронежа и Касторное, создания условий для наступления Красной армии на Курском и Харьковском направлениях. Для этого они должны были ударами с севера и юга – по сходящимся направлениям на дальних флангах дуги – окружить и уничтожить находящиеся внутри ее главные силы 2-й немецкой армии.

Начало наступления было намечено на 24–26 января.

В соответствии с замыслом Ставки командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф.И. Голиков решил осуществить прорыв на трех участках.

Главный удар фронта наносила 40-я армия из района Роговатое в направлении Горшечное – Касторное. Там ей и предстояло соединиться с 13-й армией Брянского фронта, тем самым замкнуть кольцо вокруг вражеской группировки войск. Кроме того, 40-й армии было приказано частью сил наступать на Старый Оскол, Ястребовку с целью создания внешнего фронта окружения и обеспечения с запада левого крыла фронтовой ударной группировки.

38-я армия должна была нанести отсекающий удар на Нижнюю Ведугу. Навстречу ей предстояло наступать 60-й армии. Ее задача состояла в том, чтобы частью сил сковать вражеские войска в районе Воронежа. Для активных действий она получила от 40-й армии 22-километровый участок фронта на правом берегу Дона от Костенки до населенного пункта Семидесятское. Вместе с ним в состав 60-й армии были переданы и находившиеся на этом рубеже несколько соединений.

Подготовка Воронежско-Касторненской операции проводилась в чрезвычайно сжатые сроки, что определило ряд особенностей в боевом применении артиллерии.

Командующий артиллерией Воронежского фронта генерал С.С. Варенцов получил указания штаба фронта о перегруппировке артиллерии. 21–22 января штабом артиллерии Воро-

нежского фронта были отданы распоряжения о перегруппировке артиллерии с готовностью ее 24–26 января. Таким образом, артиллерийские соединения и части имели в своем распоряжении для проведения марша, развертывания, разведки противника, пристрелки и организации взаимодействия с войсками всего 3–4 суток.

Большая часть артиллерии усиления, которую можно было привлечь к обеспечению операции Воронежского фронта, находилась в районе Острогожска, где только что закончились бои с крупной группировкой немецких войск. Из района Острогожска на левый фланг 60-й армии, наносившей главный удар, были перегруппированы 10-я артиллерийская дивизия и часть 4-й гвардейской минометной дивизии. Остальные армии получили на усиление по несколько артиллерийских и минометных полков.

Маневр артиллерии затруднялся плохим состоянием дорог, частыми снежными заносами и буранами и недостаточным количеством средств тяги. В особенно тяжелом положении оказалась 38-я армия, артиллерии усиления которой предстояло совершить марш на 150–300 километров, и существовала опасность, что она не прибудет к началу операции. На помощь пришел соседний Брянский фронт, выделивший из своей 12-й артиллерийской дивизии два полка в 38-ю армию.

На направлениях главного удара армий удалось довести плотность артиллерии всего до 20–50 орудий и минометов на 1 километр фронта. В 38-й армии для увеличения плотности артиллерии на участке прорыва за счет внутриармейской перегруппировки была использована вся гаубичная артиллерия и значительная часть 82-мм минометов стрелковых дивизий, оборонявшихся на второстепенных участках фронта.

Недостаток времени сказался на организации разведки и планирования огня. Разведка противника велась наблюдением с наземных НП. Использовать подразделения артиллерийской инструментальной разведки (АИР) фактически не удалось. Оба разведывательных дивизиона, предназначенных для ведения разведки в полосах 40-й и 60-й армий, прибыли за 1–2 дня до начала операции и не смогли выполнить возложенные на них задачи. Большую помощь в планировании огня артиллерии могли оказать данные аэрофоторазведки, но этому не было уделено должного внимания. По этим причинам артиллерийские штабы располагали весьма скудными данными об обороне противника на фронте 40-й и 60-й армий.

Из-за недостатка времени многие боевые документы, за исключением боевых приказов и распоряжений, артиллерийскими штабами, как правило, не разрабатывались. Задачи артиллерии ставились по карте и уже в частях и подразделениях уточнялись на местности. Вся работа по организации огня была сосредоточена в низовых звеньях.

В более благоприятных условиях в отношении организации разведки и планирования огня находилась артиллерия 38-й армии. Армия в течение длительного времени оставалась в стабильном положении. За это время она смогла лучше изучить противника, осуществить мероприятия по подготовке наступления и провести более детальное планирование огня.

Воронежско-Касторненская операция началась 24 января 1943 года. В этот день части 40-й армии должны были после артиллерийской подготовки нанести удар с юга в направлении Касторного. Однако утром 24 января 1943 года поднялась метель. Дороги занесло. Мороз достигал —20 °С. Главное же, видимость была крайне ограничена. Начало наступления пришлось перенести на 12 часов. Но и к полудню метель не унялась. Тем не менее вновь отложить атаку значило бы вообще в этот день отказаться от нее. Поэтому в 12 часов 30 минут, несмотря на плохую видимость, пришлось начать артиллерийскую подготовку. Она продолжалась согласно плану 30 минут, но ее результат был незначителен. Артиллеристы не видели целей и потому не смогли подавить большую их часть. От авиационной подготовки в условиях сильной метели пришлось отказаться.

Все это осложнило действия нашей пехоты и танков. Пехота, приблизившаяся к переднему краю обороны противника на 300–350 метров во время артиллерийской подготовки,

немедленно после ее окончания, в 13 часов, вместе с танками атаковала вражеские позиции. Она была встречена артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. По всему фронту разгорелся ожесточенный огневой бой. Однако уже час спустя войскам 40-й армии удалось на отдельных участках сломить сопротивление противника и начать продвижение вперед. Отразив контратаки врага, стрелковые дивизии к концу дня вклинились в оборону противника в районах Бочарова и Старо-Николаевской.

Противник оказал особо упорное сопротивление в населенном пункте Синие Липяги, блокированном частью сил 183-й стрелковой дивизии. Для разгрома этого сильного узла обороны была подтянута армейская группа дальнего действия 40-й армии (76-й гв. и 1109-й пап), 4-й гв. иптап, три батареи 493 минометного полка и артиллерийский полк дивизии. До 29 января велась разведка. После того как было уточнено расположение огневых средств противника, утром 29 января артиллерия провела получасовую артиллерийскую подготовку. Огневые средства противника были подавлены, и пехота штурмом овладела Синими Липягами.

Между тем главные силы 40-й армии продолжали развивать наступление и к 29 января подвижными соединениями 4-го танкового корпуса вышли к Касторному.

В полосе 60-й армии перед ее правым флангом противник в ночь на 25 января начал отвод своих войск из района Воронежа. Утром 25 января на фронте ударной группы армии была проведена одночасовая артиллерийская подготовка, которая не дала, однако, существенных результатов. Произошло это из-за острого недостатка боеприпасов, вследствие чего огонь артиллерии не имел необходимой плотности.

На левом фланге армии завязались упорные бои. Однако 27 января противник и здесь начал отход на Курбатово. Преследуя врага, артиллерия вела огонь по отходившим колоннам и отдельным группировкам, оказывающим сопротивление. В районе Курбатово было захвачено 4000 пленных и около 100 орудий. Но основная группировка немецких войск сумела отойти на Нижнедевидск, где вступила в бой с частями 40-й армии.

В 38-й армии наступление началось 25 января после получасовой артиллерийской подготовки. Прорвав оборону противника, войска армии устремились на Касторное. Уже 28 января 240-я стрелковая дивизия завязала бой за город при поддержке трех артиллерийских полков и дивизиона реактивной артиллерии.

13-я армия Брянского фронта начала наступление утром 26 января. Артиллерийская подготовка проводилась по плану и на большинстве участков имела значительный эффект. Однако на правом фланге участка прорыва противник оказывал ожесточенное сопротивление в Ломигорах, Мишине, отбивая атаки нашей пехоты и танков. Для подавления узла обороны в Ломигорах, Мишине были привлечены три гаубичных и один легкий пушечный полк из состава 5-й артиллерийской дивизии, артиллерийский полк 148-й стрелковой дивизии и дивизион реактивной артиллерии. Массированным огнем артиллерия подавила противника, и наши части овладели важным узлом его обороны.

Развивая успех, войска армии продвигались на Касторное. В районе Куликовки они перехватили отходившую под ударами частей 38-й армии колонну противника в составе 1500 человек, около 1000 повозок и большого количества автомашин. В ее уничтожении участвовали два батальона 132-й стрелковой дивизии, усиленные вторым дивизионом 425-го артиллерийского полка и дивизионом реактивной артиллерии. Дивизион 425-го артиллерийского полка быстро подавил огневые средства противника. Залпы реактивной артиллерии окончательно деморализовали врага. После короткого боя наши части захватили весь обоз и более 500 пленных.

28 января наши войска завязали бои за Касторное, а 29 января они освободили город от гитлеровцев. Таким образом, ударами 40-й и 60-й армий Воронежского фронта с юга, 13-й армии Брянского фронта и 38-й армии Воронежского фронта с севера основные силы 2-й немецкой армии были окружены, расчленены на части и разгромлены.

Вот как писал об этом впоследствии бывший гитлеровский генерал фон Бутлар: «Итог, который немецкому командованию пришлось подвести на этом участке фронта в конце января 1943 г., был поистине ужасным. За 14 дней русского наступления группа армий «Б» была почти полностью разгромлена. 2-я армия оказалась сильно потрепанной. К тому же она потеряла во время прорыва основную массу своей боевой техники. 2-я венгерская армия была почти полностью уничтожена, из 8-й (итальянской. – Ю. Р.) армии спастись удалось лишь некоторым частям корпуса альпийских стрелков. От остальной части соединений уцелели только жалкие остатки. Из числа немецких войск, действовавших в полосе 8-й итальянской армии, остались лишь потрепанные остатки нескольких немецких дивизий, которым удалось спастись за рекой Оскол. Связь с группой армий «Центр» и с группой армий «Дон» была потеряна, стыки находились под угрозой»⁶⁶.

Следует заметить, что Воронежско-Касторненская операция имела свою отличительную особенность. Она была первым ярким примером успешного перехода от одной крупной наступательной операции к другой без оперативной паузы. Войска фронта изготавились к ней в ограниченные сроки в ходе завершения предыдущей операции. Характерными для Воронежско-Касторненской операции являлись и действия танкового корпуса совместно со стрелковыми дивизиями первого эшелона при прорыве обороны врага, а также его последующие стремительные удары в оперативной глубине по подходившим резервам противника и узлам сопротивления.

Характерным для всех штабов артиллерии фронта было творческое применение артиллерии в наступлении. Исключительно эффективным оказалось сочетание огня с закрытых позиций и из орудий прямой наводки, находящихся в боевых порядках пехоты и танков. Такое построение было, в частности, при ликвидации опорного пункта противника в Синих Липягах. Здесь благодаря тесному взаимодействию артиллерии с пехотой удалось изолировать вражеский гарнизон в нескольких отдельных домах, после чего он был уничтожен в ходе решительной атаки. Та же участь постигла несколько дней спустя и немецкий гарнизон в Старом Осколе.

Операции по разгрому крупных группировок противника на верхнем Дону характеризовались высокой маневренностью боевых действий, что создавало большие трудности в применении артиллерии, особенно в зимних условиях. Для С.С. Варенцова и штаба артиллерии Воронежского фронта они были поучительны прежде всего организацией и проведением сложного маневра крупными силами артиллерии и подготовкой к прорыву в ограниченные сроки. В ходе боевых действий, особенно при разгроме прорывавшихся из окружения группировок противника, действия артиллерии отличались большой инициативой и самостоятельностью.

Вместе с тем возникали серьезные проблемы с управлением артиллерией при подготовке и в ходе боевых действий. Одна из них – отсутствие своих средств связи у командующего артиллерией фронта. Поскольку штаб артиллерии фронта не располагал своими средствами связи, должностные лица вынуждены были пользоваться общефронтной связью штаба фронта, которая из-за быстро меняющейся обстановки была неустойчивой. Для получения данных об оперативной обстановке офицерам штаба артиллерии фронта приходилось постоянно обращаться в оперативный и разведывательный отделы. Но и там не всегда можно было получить достаточно полные и достоверные данные – они очень быстро устаревали. Тем не менее артиллерия фронта, преодолевая все объективные и субъективные трудности, поставленные боевые задачи выполняла успешно.

---

⁶⁶ Цит. по: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Кн. I. М.: Наука, 1969. С. 392.

За успешное руководство артиллерией в ходе Воронежско-Касторненской операции командующий артиллерией фронта генерал С.С. Варенцов был награжден орденом Кутузова I степени⁶⁷.

В течение полутора сложнейших лет войны Сергей Сергеевич получает второй орден. Это свидетельствует о значительном вкладе С.С. Варенцова и артиллерии под его руководством в разгром противника. В последующем будут еще ордена, будет и звание Героя Советского Союза, но это уже в тех условиях, когда инициативой полностью владела Красная армия. Но в условиях, когда инициативой владел противник, заслужить ордена было намного сложнее.

В настоящее время некоторые «исследователи», используя ресурсы Интернета, порочат светлое имя Сергея Сергеевича. В своих «изысках» они в основном ориентируются на знакомство С.С. Варенцова с О. Пеньковским, забывая или, скорее, не зная о заслугах Сергея Сергеевича перед Отечеством. А ведь следует знать и помнить, что человек, не отсиживавшийся во время войны в тылу, а выполнявший свой долг на ключевых должностях, уже по определению не может быть одиозной личностью, какой его хотят представить недоброжелатели.

Один из таких недоброжелателей Сергея Сергеевича, некто В.Г. Татаров из Днепропетровска, по-видимому, еще до войны очень часто «страдавший» от начальника артиллерии 41-й стрелковой дивизии за свою нерадивость, высказался следующим образом: «Командовал артиллерией дивизии полковник Варенцов – этакая импозантная фигура. Самодовольный, высокомерный, хитрый, скрытный, не шибко грамотный артиллерист»⁶⁸.

Рассмотрим последовательно отрицательные характерные черты, присущие, по мнению В. Татарова, Сергею Сергеевичу.

Итак, «самодовольный, высокомерный и хитрый». Мнение В. Татарова легко опровергают многочисленные положительные отзывы бывших подчиненных С.С. Варенцова. «Это был умный и талантливый полководец, – пишет писателю В. Астафьеву полковник в отставке В.А. Кашин, – он пользовался большим авторитетом и уважением... Это был неприхотливый, скромный человек в быту и очень доброжелательный к людям...»⁶⁹

А вот что написал 12 января 1944 года своему командующему артиллерией фронта командир 32-й бригады полковник И.В. Купин:

«Тов. генерал-полковник!

Получил Ваше письмо, душевно был тронут Вашей отеческой заботой обо мне.

Вы правы – лечиться надо.

Поехать лечиться, согласен, но меня пугает одно, что с отъездом я потеряю Вас и бригаду.

Убедительно прошу Вас, тов. генерал-полковник, разрешить мне после лечения снова вернуться к Вам.

Почти три года войны я находился вместе с Вами в боевом коллективе под Вашим руководством.

Работая с Вами, я многому научился...»⁷⁰

В другом письме тот же полковник И.В. Купин пишет: «...по праву считаю себя Вашим воспитанником, а Вас своим боевым отцом.

Искренне благодарю Вас, тов. генерал-полковник, за воспитание и отеческую заботу.

Но еще раз хочется просить Вас – после лечения вернуться к Вам и только к Вам.

Жду Ваших указаний.

---

⁶⁷ Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 51.

⁶⁸ <http://www.litra.ra/?book=51473&page=12>

⁶⁹ <http://www.litra.ra/?book=51473&page=11>

⁷⁰ Семейный архив дочери С.С. Варенцова Эрлены Сергеевны Гончаровой.

Уважающий Вас полковник /подпись/ Купин»⁷¹.

Командир 112-го гвардейского краснознаменного Киевского пушечного артиллерийского полка РКГ гвардии подполковник Цесарь в поздравлении С.С. Варенцова с Новым годом написал: «В истекшем 1943 году нашему полку присвоено высокое звание – ГВАРДЕЙСКИЙ. Правительство наградило полк орденом Красного Знамени. Полк заслужил наименование – «КИЕВСКИЙ»...

Этот боевой путь полк прошел под ВАШИМ (так написано в тексте письма. – Ю. Р.) непосредственным руководством и каждый воин полка повседневно ощущал и ощущает ВАШУ заботу, ВАШЕ отцовское внимание и воспитание.

Выполняя боевой приказ, боевое распоряжение, МЫ всегда помним, что они исходят от ВАС – верного сына нашей социалистической Родины. Это сознание и желание с честью выполнить ВАШ боевой приказ – является дополнительным источником наших сил, нашего мужества и стойкости в борьбе с заклятым врагом – немецкими захватчиками.

ВАШИ питомцы, весь личный состав 112 Гвардейского Краснознаменного Киевского пушечного артиллерийского полка РКГ ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С НОВЫМ ГОДОМ, ЖЕЛАЕТ ВАМ ДОЛГИХ ЛЕТ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В ВАШЕЙ ПЛОДОТВОРНОЙ БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО НАШЕЙ РОДИНЫ...»⁷²

Бывший заместитель командира иптап по политчасти П.С. Слепцов, поздравляя в 1955 г. С.С. Варенцова с присвоением воинского звания – маршал артиллерии, выразил свою признательность следующим образом: «...Я хотел бы, товарищ маршал, как коммунист отблагодарить Вас за Ваш большой труд, за Вашу **отцовскую заботу о маленьких людях** (выделено мной. – Ю. Р.), которых Вы знали по фамилии вплоть до командира батареи, если Вам пришлось один раз поговорить»⁷³.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что взаимоотношения между Сергеем Сергеевичем и его подчиненными были доверительными и уважительными. Подчиненные командиры называют своего командующего заботливым боевым отцом, воспитателем и учителем. Они хотят завершить войну под его командованием. О каком самодовольстве, высокомерии и хитрости может идти речь. В тех случаях, когда старшего начальника подчиненные не уважают, то от писем больше «несет официозом», так как в них используются общепринятые штампы. А вышеизложенные письма написаны от души, с большим уважением к старшему начальнику. Таким образом, квалифицируем утверждения В. Татарова из Днепропетровска как наглую клевету на одного из выдающихся военачальников.

Далее В. Татаров утверждает, что Варенцов «не шибко грамотный артиллерист».

Позвольте, а награждение именованным оружием от Кременчугского облисполкома в 1927 года, золотыми часами от наркома обороны в 1940 года, орденом Ленина в октябре 1941 года, орденом Кутузова I степени в начале 1943 года, положительные служебные характеристики на Сергея Сергеевича, где как раз отмечалась его хорошая подготовка? Кроме того, С.С. Варенцова на должность командующего артиллерией фронта рекомендовал один из ярких полководцев Великой Отечественной войны – Н.Ф. Ватутин. Заметим, что С.С. Варенцов был командующим артиллерией фронта у Н.Ф. Ватутина вплоть до смертельного ранения полководца в 1944 году. А Николай Федорович, если это было для пользы дела, мог снять с должности любого. В начальном периоде войны, не без его участия, были сняты с должностей командующий войсками и начальник штаба Северо-Западного фронта. Сменивший Н.Ф. Ватутина И.С. Конев до конца войны был начальником у Сергея Сергеевича и не пожелал заменить его даже

---

⁷¹ Там же.

⁷² Семейный архив дочери С.С. Варенцова Эрлены Сергеевны Гончаровой.

⁷³ Там же.

после получения С.С. Баренцевым тяжелого ранения. Согласитесь, если бы С.С. Варенцов был недостаточно подготовленным артиллерийским начальником, кто из перечисленных командующих войсками оставил бы у себя в подчинении неграмотного командующего артиллерией. Никто! Безусловно, Сергей Сергеевич был мастером своего дела, высоким профессионалом. Никто не утверждает, что он стал таковым сразу. Все учились в ходе войны, и он учился. И войну закончит командующим артиллерией одного из самых мощных фронтов. Таких фронтов было всего два: 1-й Белорусский и 1-й Украинский. Значит, В. Татаров и здесь нагло и беззастенчиво клеветает.

Удивляет и позиция известного писателя В. Астафьева, который, используя свое литературное мастерство, нелестно отзывался как о С.С. Варенцове, так и о многих офицерах и генералах Великой Отечественной войны. Да почему нелестно? Очень зло, неконструктивно и однобоко выражал свое мнение известный писатель. Ведь можно выпятить один негатив в своем произведении, что, кстати, и делает Астафьев, рассуждая о Великой Отечественной войне, а можно показать один позитив, что тоже нехорошо. Потому что истина, как говорится, лежит посередине. «Я и по себе знал, – писал В. Астафьев, – что отцы-генералы, партия и правительство предали своих воинов-спасителей и двадцать лет о них не вспоминали в будни, в жизни, лишь по праздникам славословили и хвалили себя. Ни о живых, ни о мертвых не думали, не вспоминали, по полям и лесам белели косточки русские, в литературе, кино, театре прославлялась совсем другая война, та, на которой мы не были и быть не могли. Царил обман и демагогия, воровство, предательство – товарищ Варенцов, будучи уже маршалом, в Генштабе заправлял всей ракетно-артиллерийской мощью страны, запятнавший себя воровством еще на фронте, нанимается в осведомители матерому шпиону Пеньковскому. Они разом продают пол-России. И ничего. Генералишко, видать и прежде умом не блиставший, этакий приштабной лизоблюд, гневно пишет мне: «Партия и правительство сочли возможным за прошлые заслуги понизить товарища Варенцова до генерал-лейтенанта, сохранить за ним половину денежного довольствия...» И невдомек генералишке, что кремлевские старцы из политбюро – сами воры и мошенники, не шибко обижая и наказывая преступный кадр, надеются, что и их, согнанных с уютных мест, тоже «пожалуют» и пенсии высокие сохранят.

...Долго шла буча вокруг моих заметок, долго, долго лампасники дерьмом исходили, но все в конце концов улеглось, хотя любимцем наших генералов я не стал и надеюсь, что и не стану»⁷⁴.

Разумеется, эпитеты и стиль опуса В. Астафьева «Да пребудет вечно» не выдерживают никакой критики.

А то, кто «запятнал себя воровством», кто к кому нанимался в осведомители и чем «заправлял» С.С. Варенцов в послевоенное время, будет рассмотрено несколько позже.

Вот только очень любопытно, на чью мельницу лил воду литератор, выражая таким образом свои мысли. Да, писателя нет уже в живых, но наследил-то он прилично в отношении командного и начальствующего состава Красной армии. Кого в нашей стране после выводов известного писателя будет привлекать служба в армии? Многие ли родители захотят, чтобы их сыновья исполнили свой воинский долг? Будет ли народ любить свою армию, когда вот такой псевдоинженер человеческих душ, не выбирая выражений, поливает грязью офицерский корпус.

Никто не отрицает, критиковать можно и нужно, но не до смакования мыслимого и немислимого. Позволительно критиковать действия конкретного человека, если есть веские основания для этого. Но непозволительно по-хамски обобщать и охаивать всех офицеров и генералов, внесших неизмеримый вклад в Великую Победу.

---

⁷⁴ <http://www.litra.ru/?book=51473&page=10>

Автор больше верит своему отцу, потерявшему обе ноги под Москвой и ставшему инвалидом войны. Отец никогда не отзывался недоброжелательно об офицерах и генералах, под командованием которых ему пришлось воевать с осени 1941 и до августа 1942 года в должности рядового, а затем сержанта. Хотя мог бы. Ведь он перенес ампутацию ног, а ему еще на самом деле не исполнилось 18 лет (прибавил год, чтобы поступить в военное училище). Никакого озлобления на своих командиров у отца не было. Он всю свою послевоенную жизнь (отец – историк по образованию) с большим уважением относился к генералам и офицерам Великой Отечественной войны, хорошо понимая, что в своем большинстве это были люди, вынесшие в полной мере все тяготы и лишения военной поры. Отец был страстный книголюб, имел большую личную библиотеку, всегда выписывал «Роман-газету» и был в курсе всех книжных новинок, особенно касающихся военной тематики. Когда в середине 80-х годов была издана книга В. Астафьева «Прокляты и забыты», автор поинтересовался у отца, какое впечатление произвела на него эта книга. «В этой книге, – ответил отец, – нет ничего похожего на правду. Я с такими безобразиями не сталкивался».

У автора имеется фотография отца, датированная 12 ноября 1941 года. Сфотографировался отец в г. Алма-Ате перед отправкой на фронт (под Москву) в составе курсантов Алма-Атинского пехотно-минометного училища. 20 декабря 1941 года он уже получил первое легкое ранение, воюя в составе 64-й морской стрелковой бригады. За это короткое время, причем не самое простое для нашей страны, отец принял самое непосредственное участие во многих важных событиях. Это и передвижение по железной дороге из Алма-Аты под Москву, распределение курсантов по воинским формированиям, боевое слаживание, участие в боевых действиях в ходе контрнаступательной операции. Безусловно, могли иметь место негативные явления объективного и субъективного характера, связанные с вопросами быта, питания, обеспечения зимним обмундированием, вооружением и т. д. Но ничего подобного о каких-то недостатках, подобных тем, о которых писал В. Астафьев, автор от отца не слышал. Поэтому нет у автора оснований принимать на веру все, о чем писал В. Астафьев, особенно если это относится к Великой Отечественной войне.

Что бы ни писали – раньше и сейчас – старые и новые «исследователи» о С.С. Варенцове, автор оставляет за собой право в этой книге опровергать лживые свидетельства против прославленного военачальника.

«Огневой щит и меч» на Курской дуге

В ходе наступательных операций зимней кампании 1942/43 года войска Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов отбросили немецкие войска далеко на запад и овладели обширным районом под Курском. Этот район глубоко вдавался в расположение противника и получил название Курского выступа. На этом рубеже фронт к концу марта стабилизировался, и обе стороны стали готовиться к летним операциям.

Непосредственно на Курском выступе находились войска Центрального и Воронежского фронтов Красной армии, которым еще в первой половине 1943 года было приказано перейти к жесткой обороне с целью измотать и обескровить противника в случае его наступления в районе Курского выступа.

Воронежский фронт оборонял юго-западную часть Курского выступа протяжением по фронту 244 километра, сосредоточив основные усилия на Белгородском направлении.

Готовясь к летнему наступлению на Курском выступе, немецкое командование по войскам Воронежского фронта намечало нанести два удара: главный удар – силами 4-й танковой армии вдоль шоссе Обоянь – Курск, и другой – оперативной группой «Кемпф» из района Белгорода на Корочу и далее на север, чтобы обеспечить наступление 4-й танковой армии с востока.

В результате принятых мер значительное усиление артиллерией получил Воронежский фронт (56 полков, из них 31 истребительно-противотанковый артиллерийский полк)⁷⁵.

Следует отметить, что артиллерия Красной армии постоянно усиливала свою мощь и стала подлинным «богом войны». Важная роль принадлежала истребительно-противотанковой артиллерии. Она росла как количественно, так и качественно. Так, к лету 1943 года появилась модернизированная 57-мм пушка, быстро завоевавшая авторитету стрелковых войск. Качественный рост противотанковой артиллерии шел путем увеличения числа орудий более крупных калибров. 76-мм и 85-мм пушки составляли 60 % всех противотанковых орудий. Делалось все, чтобы противотанковую артиллерию поставить на механическую тягу, что резко повышало ее подвижность, маневренность, отсюда и эффективность.

В целом в артиллерии в связи с переходом к наступательным действиям возникла необходимость создания мощных средств с целью разрушения укрепленных районов и подавления огневой системы противника. Поэтому дальнейшее развитие получила тяжелая артиллерия, особенно гаубичная. На вооружение была принята 152-мм гаубица образца 1943 года, которая сохранила боевые свойства своей предшественницы, но стала легче ее и маневреннее. Значительное место в артиллерии резерва Верховного главнокомандования занимали минометные полки и полки реактивной артиллерии.

Наступательные задачи Красной армии требовали массирования артиллерийского и минометного огня, поэтому для увеличения ударной силы и лучшего управления в бою была улучшена организационная структура. Артиллерийские полки сводились в артиллерийские соединения. Еще в 1942 году было сформировано 26 артиллерийских дивизий с количеством орудий 168. Вскоре 16 из них были преобразованы в артиллерийские дивизии прорыва, количество орудий в которых увеличено до 356. Минометные полки были объединены в минометные бригады, а отдельные дивизионы и полки реактивной артиллерии – в гвардейские минометные бригады. В последующем на основании опыта войны, доказавшего силу огня полевой реактивной артиллерии в ее большом массировании, из гвардейских бригад были сформированы гвардейские минометные дивизии. Один залп такой дивизии выбрасывал 3456 снарядов весом 320 тонн.

---

⁷⁵ *Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны*. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 117.

К началу битвы на Курской дуге у нас впервые в массовом количестве появились самоходно-артиллерийские установки СУ-152, СУ-122, СУ-85, СУ-76 и др. Они решили задачу усиления стрелковых войск артиллерией высокой подвижности и огневой мощи.

Параллельно с перевооружением и усилением всех родов войск совершенствовалась организационная структура. В стрелковых войсках к лету 1943 года в основном был завершен переход к корпусной системе, что намного улучшило управление войсками. К тому же времени были сформированы артиллерийские корпуса прорыва и танковые армии, в состав которых входили только танковые и механизированные корпуса, а стрелковые дивизии исключались из них.

По сравнению с оборонительными операциями предыдущих лет войны артиллерия в обороне под Курском была лучше обеспечена средствами связи и приборами разведки. Укомплектованность частей этими средствами колебалась в пределах 60–80 %. Это значило, что артиллерийские командиры и их штабы имели сравнительно большие возможности в организации управления огнем и маневром своих частей.

Значительно хуже обстояло дело с укомплектованностью артиллерии средствами тяги и транспорта. Ставка ВГК не смогла повысить укомплектованность фронтов лошадьми и автотранспортом более половины штатной нормы. Только артиллерия Центрального фронта была обеспечена средствами механической тяги удовлетворительно⁷⁶. К сожалению, все это снижало маневренные возможности артиллерии фронтов.

Оценивая обстановку, командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин и командующий артиллерией генерал-лейтенант артиллерии С.С. Варенцов пришли к выводу, что ни характер местности, весьма благоприятствующий для действия танковых соединений, ни конфигурация линии фронта, ни положение ударной группировки противника не давали достаточных оснований к сужению ширины фронта ожидаемого удара. Поэтому артиллерией усилили более или менее равномерно три армии (40-я, 6-я гв. и 7 А гв.). Под влиянием этих же соображений были выделены мощный второй эшелон фронта и сильные резервы.

Воронежский фронт был усилен 31 артиллерийским и минометным полками, 11 полками и одним дивизионом реактивной артиллерии, тремя полками самоходной артиллерии, 28 полками и 7 истребительно-противотанковыми артиллерийскими бригадами. Всего фронт имел 8219 орудий и минометов и 262 боевые машины реактивной артиллерии⁷⁷.

Для сравнения отметим, что Центральный фронт (командующий – генерал армии К.К. Рокоссовский, командующий артиллерией – генерал-лейтенант В.И. Казаков) получил на усиление 4-й артиллерийский корпус и 1-ю гвардейскую артиллерийскую дивизию прорыва, десять полков и один дивизион реактивной артиллерии, 15 отдельных пушечных и минометных полков, шесть самоходных артиллерийских полков, десять полков и 3 истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, 2 истребительные бригады – всего 8791 орудие и миномет, 224 боевые машины реактивной артиллерии БМ-13 и БМ-8 и 432 пусковые рамы для М-30 и М-31⁷⁸.

Наиболее опасным считалось левое крыло Воронежского фронта, поэтому здесь, уступом за 6-й и 7-й гвардейскими армиями, был развернут второй эшелон фронта, резервы и большая часть артиллерийских средств усиления. В полосах обороны 6-й и 7-й гвардейских армий с учетом второго эшелона фронта было сосредоточено около 5800 орудий и минометов. В этих армиях имелось 87 артиллерийских полков (67 %) из 130 полков, имевшихся во фронте, в то время как ширина их полос обороны составляла 47 % общей полосы фронта⁷⁹.

---

⁷⁶ *Артиллерия* в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 119.

⁷⁷ *Советская артиллерия* в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 208.

⁷⁸ *Советская артиллерия* в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 208.

⁷⁹ *Артиллерия* в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 214.

Для достижения необходимой плотности артиллерии дивизий первого эшелона командующему артиллерией 7-й гвардейской армии пришлось изъять из всех стрелковых дивизий второго эшелона артиллерийские полки, оставив их лишь с полковой и батальонной артиллерией. Безусловно, такие решения принимались не без участия командующего войсками фронта и командующего артиллерией фронта. Поскольку было принято такое решение, следует полагать, что предложения генерала С.С. Варенцова командующему войсками фронта по составу и группировке артиллерии в армиях были достаточно убедительными.

Здесь следует отметить, что после неудачной операции в Крыму в мае 1942 года Ставка ВГК запретила изымать штатную артиллерию стрелковых дивизий вторых эшелонов армий на поддержку частей первых эшелонов. Такое изъятие разрешалось только в наступлении и только на время артиллерийской подготовки и поддержки атаки. По-видимому, С.С. Варенцов рассчитывал на армейский артиллерийско-противотанковый резерв (четыре иптап), который мог остановить продвижение противника в случае прорыва в полосы обороны дивизий второго эшелона, по крайней мере до подхода к ним своей штатной артиллерии или других средств усиления.

Из всех более или менее крупных оборонительных сражений первых двух лет Великой Отечественной войны в битве под Курском наши войска имели самые благоприятные условия для подготовки к обороне. Войска располагали крупными силами, имели двухлетний опыт в организации обороны и длительное время на подготовку к ней.

Наличие времени на подготовку обороны (более трех месяцев) позволило заблаговременно спланировать действия родов войск, поставить им всесторонне продуманные задачи, организовать взаимодействие и отработать со штабами и войсками возможные варианты борьбы с наступающим противником. Это обстоятельство имело особенно важное значение для артиллерии, так как объем подготовительных мероприятий и детальное планирование боевых действий частей требовали много времени уже после принятия решения общевойсковыми командирами.

Со свойственной С.С. Варенцову энергией, целеустремленностью, умением видеть на определенных этапах главное в подготовке артиллерии фронта он принялся за организацию системы артиллерийского огня в армиях фронта.

Мероприятия по организации системы артиллерийского огня в армиях Воронежского фронта предпринимались сразу же, как только войска перешли к обороне. Они проводились и позднее, вплоть до начала оборонительных боев, по мере накопления и уточнения разведывательных данных о противнике, увеличения количества артиллерийских средств в армиях и, наконец, после неоднократных уточнений и частичных изменений в плане действий стрелковых и танковых частей. По указанию С.С. Варенцова штабом артиллерии Воронежского фронта были определены основные элементы общей системы артиллерийского огня в армиях: артиллерийская контрподготовка, огонь на период борьбы за главную и всю тактическую глубину полосы обороны, огонь по обеспечению стыков и флангов дивизий и армий, система противотанкового огня. Кроме того, отдельно разрабатывался план маневра (перегруппировок и перемещений) с целью усиления особо уязвимых направлений в ходе оборонительного сражения.

Командующий артиллерией Воронежского фронта прекрасно понимал, что отправными данными для определения характера и объема предстоящих огневых задач и последующего распределения их между артиллерийскими соединениями служили результаты разведки.

Разведка всех видов на Центральном и Воронежском фронтах своевременно выявила перегруппировку сил противника в районе Курского выступа и дала достаточные основания для суждения о вероятных направлениях главных ударов обеих ударных группировок противника.

Несмотря на то что артиллерийская разведка имела не вполне совершенные технические средства с невысокими тактико-техническими характеристиками, все же она использовала с пользой для дела длительность сроков подготовки к операции и сумела обеспечить огневые подразделения достаточно точными данными для огневого воздействия по подавляющему большинству объектов (целей) в боевых порядках противника.

Разведка целей на переднем крае и в ближайшей глубине его боевых порядков (примерно до 5 километров) велась в основном средствами войсковой артиллерийской разведки. Сеть ее наблюдательных пунктов в армиях первого эшелона фронта была весьма разветвленной. Чтобы избежать стихийного нагромождения пунктов наблюдения на небольшом количестве командных высот и чтобы организовать взаимодействие подразделений разведки для полного охвата и взаимной перепроверки данных по всем вероятным объектам артиллерийского огня, необходимо было создать пункты и развернуть их по единому армейскому плану. Эти планы контролировались и корректировались штабом артиллерии Воронежского фронта, и таким образом достигалось централизованное управление всей сетью разведки наблюдением, устранялись явления стихийности, неизбежно вносимые инициативной деятельностью огромного количества исполнителей.

Следует отметить, что такое большое количество артиллерийских наблюдательных пунктов в обороне вызывалось не столько интересами последней, сколько наличием необычно крупной артиллерийской группировки, которая создавалась с расчетом не только остановить наступление противника, но и поддержать контрудары и контрнаступление наших войск без больших перегруппировок, поскольку последние отнимали много времени, тогда как успех операции и боя зависел в большой степени от темпов наступления. Образно выражаясь, артиллерия была «огневым щитом и мечом» Воронежского фронта в битве на Курской дуге.

На Воронежском фронте было пять разведывательных артиллерийских дивизионов: два в 6-й гвардейской армии и по одному в 7-й гвардейской, 40-й и 38-й армиях⁸⁰.

Такого количества разведывательных артиллерийских дивизионов оказалось недостаточно. Например, звуковую разведку эти дивизионы не могли вести во всей полосе обороны одновременно. Поэтому засечка целей звуковой разведкой велась последовательно на разных направлениях путем перемещения боевых порядков звукометрических батарей. И только благодаря тому, что подготовка обороны под Курском длилась более трех месяцев, разведывательные артиллерийские дивизионы смогли в значительной степени выполнить свою задачу. Генерал С.С. Варенцов систематически через штаб артиллерии фронта направлял и контролировал результаты действий разведывательных артиллерийских дивизионов. В течение мая и июня 1943 года средствами пяти разведывательных артиллерийских дивизионов удалось вскрыть около 80 % всей артиллерии противника, до 50 % минометов и более 50 % инженерных сооружений на переднем крае и в ближайшей глубине обороны⁸¹.

К сожалению, до мая 1943 года артиллерия Центрального и Воронежского фронтов корректировочно-разведывательной авиации не имела. В начале мая 1943 года в состав Центрального фронта прибыли четыре отдельные корректировочно-разведывательные авиационные эскадрильи (окраэ). Много усилий пришлось приложить Сергею Сергеевичу, чтобы и Воронежский фронт получил корректировочно-разведывательную авиацию. И только в конце мая в состав Воронежского фронта прибыли 51-я и 56-я окраэ, которые соответственно были приданы 6-й и 7-й гвардейским армиям.

Корректировочная авиация использовалась для уточнения разведывательных данных, полученных от войсковой и инструментальной разведки, для аэрофотосъемки в интересах разработки планов огня артиллерии и для корректирования огня артиллерии. Однако воз-

---

⁸⁰ *Артиллерия* в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 136.

⁸¹ *Артиллерия* в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 137.

возможности корректировочно-разведывательной авиации на Воронежском фронте использовались далеко не полностью, причем по независящим от штаба артиллерии фронта причинам. Объяснялось это недостаточным прикрытием самолетов-корректировщиков истребителями, которые выделялись из состава воздушных армий, низкой укомплектованностью эскадрилий наземными радиостанциями, транспортными машинами, а также отсутствием своих фотолaborаторий. И неудивительно, что две корректировочно-разведывательные эскадрильи на Воронежском фронте в течение июня сделали всего лишь 26 боевых вылетов, из них 16 – для корректирования стрельбы артиллерии, 9 – для визуальной разведки и один – для разбрасывания листовок.

Обобщенных данных по результатам работы артиллерийской разведки Воронежского фронта, за исключением 6-й гвардейской армии, не имеется. Известно лишь, что только средствами артиллерийской инструментальной разведки в течение мая и июня было вскрыто 944 цели, в том числе артиллерийских батарей – 330, минометных – 41, отдельных орудий – 307, минометов – 63, огневых точек – 203⁸².

В конечном счете силы и средства артиллерийской разведки фронта достаточно полно вскрыли не только огневые средства, но и систему инженерных сооружений противника, дав необходимые исходные данные для планирования огня артиллерии.

Много внимания генерал С.С. Варенцов уделял организации артиллерийской контрподготовки, которая планировалась во всех армиях фронта, и каждая из армий, исходя из конкретных условий обстановки и наличия артиллерийских средств, разрабатывала свой план контрподготовки, руководствуясь общими указаниями фронта. Естественно, эти планы в значительной мере отличались друг от друга.

Например, в 6-й гвардейской армии по плану артиллерийской контрподготовки предусматривалось подавление противника массированным огнем в семи районах. Всего для подавления противника во время артиллерийской контрподготовки намечалось 98 участков вероятного сосредоточения пехоты и танков противника, то есть 77 % всех объектов и целей артиллерийской контрподготовки, 17 наблюдательных пунктов (14 %) и 12 артиллерийских и минометных батарей (9 %).

К участию в контрподготовке по плану привлекались полковая и батальонная артиллерия, 4 артиллерийских полка стрелковых дивизий первого эшелона, 2 пушечные артиллерийские бригады, один пушечный полк, 2 минометных полка и 4 полка реактивной артиллерии, имевшие в общей сложности 555 орудий и минометов и 88 установок БМ-13, то есть около 37 % всех орудий, минометов и установок полевой реактивной артиллерии армии. Продолжительность артиллерийской контрподготовки в 6-й гвардейской армии была установлена в 30 минут.

В 7-й гвардейской армии артиллерийская контрподготовка планировалась по 8 вариантам, каждый из которых соответствовал одному из предполагаемых направлений удара противника. Полосы огня артиллерии по вариантам назначались не последовательно по фронту, а чаще всего они перекрывали друг друга, вследствие чего особо ответственные направления перекрывались полосами огня двух, а то и трех вариантов проведения контрподготовки.

К артиллерийской контрподготовке привлекались: батальонная и полковая артиллерия дивизий первого эшелона армии, 4 артиллерийских полка стрелковых дивизий первого эшелона и 3 артиллерийских полка стрелковых дивизий второго эшелона, 3 пушечных артиллерийских полка, 1 минометный полк и 2 гвардейских минометных полка реактивной артиллерии. Всего в составе этих частей насчитывалось 696 орудий и минометов и 47 установок полевой реактивной артиллерии, или 47 % общего количества орудий, минометов и установок полевой реактивной артиллерии, имевшихся в армии.

---

⁸² *Артиллерия* в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 138.

Продолжительность контрподготовки планировалась в 40 минут. По указанию генерала С.С. Варенцова она была проведена по тому же графику, что и в 6-й гвардейской армии, то есть в течение 30 минут.

Приняв решение нанести мощный удар по пехоте и танкам, командование Воронежского фронта, в отличие от командования Центрального фронта, не могло выделить столь же мощные средства против артиллерии противника и ограничилось подавлением лишь наиболее активных и достоверно разведанных батарей.

При организации артиллерийской контрподготовки требовалось разрешить один очень важный вопрос: с каких позиций открывать огонь – с временных или основных?

Имелось обоснованное опасение за возможность раскрытия противнику основной группировки артиллерии фронта в случае ведения огня с основных позиций. Однако одно это опасение не могло стать решающим. Ведение огня во время контрподготовки с временных огневых позиций потребовало бы сменить боевые порядки большого количества батарей. С.С. Варенцов и офицеры его штаба отчетливо представляли себе, что маневр такой массы артиллерии перед самым началом атаки противника таил в себе куда большую опасность, чем раскрытие своей группировки, поскольку противник мог начать атаку в момент перемещения батарей с временных на основные огневые позиции. Они, кроме того, могли попасть под удар авиации, к которому артиллерия особо чувствительна во время передвижений. Одновременное ведение массированного огня во время контрподготовки в полосе 30–50 километров не представляло такой большой опасности раскрытия артиллерийской группировки и тем более определения противником координат стреляющих батарей средствами звуковой разведки, а если противник смог бы перейти в наступление вскоре после контрподготовки, то у него не осталось бы времени на подготовку эффективного огня по нашим батареям.

Взвесив все эти соображения, С.С. Варенцов предложил командующему войсками фронта провести артиллерийскую контрподготовку с основных огневых позиций.

Спланированная система огня артиллерии Воронежского фронта предусматривала подготовленные перед передним краем обеих армий весьма плотный массированный и сосредоточенный огонь артиллерии, особенно на стыках с соседними армиями и между дивизиями, а также на направлениях вероятного главного удара противника. Система огня артиллерии распространялась также на большую глубину расположения наших войск, что повышало устойчивость обороны при колебаниях линии фронта и облегчало подготовку артиллерийского обеспечения контратак и контрударов резервов и вторых эшелонов.

Командующий артиллерией фронта неукоснительно требовал от артиллерийских командиров и начальников добиваться высокой точности артиллерийского огня. Все участки планового огня (ДОН – дальнее огневое наблюдение; НЗО – неподвижный заградительный огонь; ПЗО – подвижный заградительный огонь; СО – сосредоточенный огонь) как перед передним краем главной оборонительной полосы, так и внутри обороны были пристреляны. Планы пристрелки составлялись в армиях. Сама пристрелка проводилась с соблюдением всех мер огневой маскировки. Например, когда одна часть батарей производила пристрелку, другие батареи (согласно плану пристрелки) вели огонь по противнику с временных огневых позиций. Для огневой маскировки пристрелки широко применялись также кочующие орудия и минометы. Пристрелка планового огня внутри оборонительной полосы проводилась с предварительным отводом наших частей на фланги или в тыл. Точность подготовки исходных данных для ведения огня по любому участку сосредоточения и своевременность его открытия неоднократно проверялись, а обнаруженные при этом недостатки устранялись на месте.

В общей системе артиллерийского огня особое внимание уделялось обеспечению стыков и флангов как наиболее вероятным участкам главного удара противника. Опыт ведения оборонительных боевых действий убедительно показал стремление противника использовать стыки и фланги для нанесения ударов с целью окружения наших войск как в тактическом, так и в

стратегическом масштабе. Надо отметить, что командный состав противника с самого начала войны, как правило, неукоснительно соблюдал этот принцип ведения наступления, ему его прививали с первых шагов военной службы. Такой признанный авторитет в военном искусстве Германии, как Шлиффен, на протяжении всей своей жизни пропагандировал этот принцип как один из основных. «Конечно, не все заключается в одном обходном движении; к нему надо прибавить еще сам бой и победу. Но решительная победа возможна только тогда, когда целью атаки служит неприятельский тыл или, по крайней мере, фланг»⁸³. А вот еще одна из многих его рекомендаций: «Фронтальная атака должна начинаться до начала фланговой атаки. Противник должен быть совершенно связан и не быть в состоянии избежать флангового удара. Если охваченный противник перейдет во фронтальную атаку... то тем лучше; если же нет, то охватывающая сторона должна, конечно, взять это бремя на себя»⁸⁴.

Для опытных военачальников и командиров не было особым секретом, что фланги войск являлись наиболее чувствительными к ударам противника, а увязка и согласованность их действий с соседями достигались труднее. К тому же сложнее на флангах была и организация управления огнем артиллерии, так как для этой цели приходилось согласовывать действия артиллерийских частей, часто подчиненных разному командованию. В связи с вышеизложенными обстоятельствами вопросами артиллерийского обеспечения стыков и флангов обычно занимался непосредственно командующий артиллерией фронта и командующие артиллерией армий со своими штабами.

При организации обороны Курского выступа на артиллерию возлагалась основная тяжесть борьбы с танками. Командование Центрального и Воронежского фронтов уделяло особое внимание созданию стройной системы глубоко-эшелонированной противотанковой обороны. При этом учитывалось применение противником новых тяжелых танков типа «Тигр».

С.С. Варенцов при распределении истребительно-противотанковых полков и бригад РВГК между армиями стремился сохранить принцип их массированного применения на вероятных направлениях главного удара противника. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большая часть истребительно-противотанковых полков и бригад РВГК на Воронежском фронте использовалась во фронтовом и армейских противотанковых резервах.

Организация системы противотанковой обороны в армиях проводилась по единому плану штабов артиллерии армий, согласованных с общевойсковым планом построения обороны. Штабы артиллерии армий провели большую предварительную работу по изучению и разведке полос обороны своих армий. Специальные армейские рекогносцировочные группы, составленные из представителей всех родов войск, непосредственно на местности уточняли намеченные командующими армиями танкоопасные направления и конкретно определяли районы, где необходимо организовать противотанковые опорные пункты и районы. После этого командиры частей и соединений приступали к непосредственной их организации.

В 6-й гвардейской армии, развернувшей свои силы в первой и второй оборонительных полосах, противотанковая оборона была организована на глубину 20–30 километров. За нею на армейском тыловом рубеже располагалась часть сил 69-й армии, с учетом которых общая глубина противотанковой обороны на этом направлении достигала 30–35 километров.

Большое место в общей системе противотанковой обороны отводилось противотанковым резервам армий и фронта. Противотанковые резервы армий располагались обычно во второй или за второй полосой обороны, фронтовые – в третьей тыловой армейской полосе или за нею и, как правило, на важнейших танкоопасных направлениях. При выборе районов размещения резервов особое внимание обращалось на наличие удобных дорог, обеспечивающих быстрый маневр в необходимых направлениях.

---

⁸³ Шлиффен А. Канны. М.: Воениздат, 1936. С. 26.

⁸⁴ Там же. С. 57.

Управление маневром подразделений и частей, входивших в состав противотанковых резервов, было разработано во всех деталях еще задолго до начала операции. В штабах артиллерии фронта, армий и стрелковых дивизий разрабатывались планы маневра противотанковых резервов; в планах учитывались наиболее угрожаемые направления танковых атак противника и определялись в соответствии с этим варианты действий частей резерва.

Для каждой бригады (полка), находящейся в противотанковом резерве, намечалось несколько районов (рубежей) развертывания.

Для проверки реальности плана маневра истребительно-противотанковые артиллерийские подразделения (части), входившие в состав резерва, производили тренировочные выезды на подготовленные рубежи развертывания. Такие выезды обычно проводились по тревоге как днем, так и ночью. При этом тщательно фиксировалось время, затрачиваемое на свертывание боевого порядка, движение в указанный район и на развертывание в боевой порядок, что позволяло строить план действий с учетом реального времени.

Командующий артиллерией Воронежского фронта осуществил ряд подготовительных мероприятий по обеспечению быстрого маневрирования истребительно-противотанковой артиллерии и по восстановлению (переукомплектованию) истребительно-противотанковых частей и соединений. Так, по предложению С.С. Варенцова, командующий войсками фронта Н.Ф. Ватутин приказал дорожным частям фронта улучшить дороги и отремонтировать все неисправные мосты, по которым предусматривалось выдвижение (по плану) противотанковых резервов фронта и армий. На перекрестках дорог в населенных пунктах, через которые проходили маршруты выдвижения резервов, располагались зенитные артиллерийские подразделения и части для прикрытия маневрируемых частей от воздушного нападения противника. Согласно директиве Военного совета фронта каждый истребительно-противотанковый артиллерийский полк должен был иметь четыре заправки горючего и два боекомплекта снарядов. Некомплект автомашин в этих полках восполнялся за счет тыловых частей и учреждений фронта и армий. В запасном артиллерийском полку фронта подготавливалось большое количество орудийных расчетов противотанковых орудий с тем, чтобы в период боев можно было быстро пополнить истребительно-противотанковые артиллерийские части сколоченными орудийными расчетами.

Как показали дальнейшие события, все эти мероприятия обеспечили в ходе сражения своевременный маневр истребительно-противотанковых соединений и частей на наиболее угрожаемые направления и позволили в сжатые сроки (3–6 дней) восстанавливать выводившиеся на переукомплектование или доукомплектование части.

Кроме того, С.С. Варенцов предусматривал все возможные варианты развития событий. Поэтому для борьбы с танками привлекалась артиллерия всех калибров. Занимавшей закрытые огневые позиции надлежало вести подвижный заградительный огонь по атакующим танкам и сосредоточенный – по районам их скопления. Вся артиллерия была подготовлена к тому, чтобы в случае прорыва танков противника в глубину нашей обороны отражать их атаки огнем прямой наводкой. Важная роль в этом случае отводилась и подвижным отрядам заграждения, которые имели задачу в ходе боя минировать местность на путях движения танков противника. Помимо этого, в стрелковых ротах и в каждом взводе создавались истребительные группы, вооруженные гранатами, противотанковыми минами, запасами взрывчатки. Они в любой момент были готовы вступить в единоборство с вражескими танками.

Сосредоточение большого количества артиллерии на Воронежском фронте вызвало потребность в организации такой системы управления артиллерией в масштабе армий и даже фронта, чтобы на всех этапах оборонительного боя обеспечивалась возможность перехода от децентрализованного управления огнем к его централизации на решающих участках сражения, и, наконец, в непрерывном централизованном управлении маневром артиллерии в масштабе армий и фронта. Только централизованное управление артиллерией обеспечивало веде-

ние массированного огня всей или большей частью артиллерии объединений и соединений, а также маневр противотанковыми резервами в ходе оборонительного сражения.

Однако очевидно и то, что централизованное управление артиллерией в оборонительном сражении осложняется наличием инициативы у противника. Приобретенный опыт в предшествующих боях и сражениях позволил С.С. Варенцову предвидеть развитие предстоящего оборонительного сражения. Он знал, что в ходе оборонительного сражения одни части и соединения обороняющихся войск успешно отражают атаки противника и сохраняют на местности заблаговременно развернутый боевой порядок, другим частям и соединениям это не удастся сделать, и они вынуждены отходить под нажимом превосходящих сил противника, третьи отводятся заблаговременно для улучшения общего оперативного построения армии или боевого порядка того или иного корпуса (дивизии) и, наконец, четвертые подводятся к полю боя для перехода в контратаку или для нанесения контрудара либо для занятия оборонительного рубежа на участке, где обозначился прорыв противника. Все эти маневры войск в ходе оборонительного сражения порождают потребность в маневре артиллерийским огнем (сосредоточение или массирование огня на наиболее важных для данного момента объектах в боевом порядке противника) либо в маневре артиллерийскими частями и соединениями (перегруппировка с целью сосредоточения на угрожаемом направлении превосходящих артиллерийских сил и средств, способных задержать или сорвать наступление противника своим огнем).

Поэтому С.С. Варенцов и его штаб скрупулезно подошли к заблаговременному и тщательному планированию ответных действий артиллерии на возможные действия противника, что облегчало централизованное управление артиллерией как при завязке оборонительного сражения, так и в ходе его. Этому также способствовало выделение мощных противотанковых резервов во фронте и армиях, действующих на главных направлениях, а также целесообразное использование такой формы управления артиллерией, как создание разветвленной сети артиллерийских групп по организационно-тактическому принципу. Можно смело утверждать, что это был «фирменный» почерк командующего артиллерией фронта С.С. Варенцова. Опираясь на такую систему управления, командование фронта и армий имело возможность массировать артиллерию и ее огонь в избранное ими время на главных направлениях и тем самым решительно влиять на ход сражения.

С.С. Варенцов, так же как и командующий артиллерией Центрального фронта генерал В.И. Казаков, уделял организации централизованного управления самое пристальное внимание. Правильное понимание С.С. Баренцевым и В.И. Казаковым роли артиллерии в операции (бою) переросло в убеждение, что огневая мощь артиллерии максимально проявляется в массировании ее огня на главных направлениях. Это убеждение и умение организовывать централизованное управление артиллерией обусловило С.С. Варенцову и В.И. Казакову командование артиллерией самых мощных фронтов до конца войны.

Сергей Сергеевич давно убедился, что непрерывно и гибко управлять подчиненными можно только тогда, когда есть работоспособный оперативный штаб. Поэтому уделял серьезное внимание подбору офицеров своего штаба и сколачиванию его в работоспособный коллектив и требовал это от командующих артиллерией армий и дивизий. Начальники штабов артиллерии фронта, армий и дивизий, в свою очередь, учились распределять работу между офицерами штаба так, чтобы своевременно составлялись оперативные и разведывательные сводки, разрабатывались боевые распоряжения, велся учет имеющейся во фронте (армии, дивизии) артиллерии, контролировалась своевременная подготовка артиллерии к боевым действиям, с частями, намечавшимися для перегруппировок, поддерживалась непрерывная связь штаба артиллерии армии (фронта).

Постепенно изживались случаи, когда малочисленные штабы артиллерии армий, перегруженные работой, связанной с перегруппировками, организацией материального обеспечения и боевой подготовкой артиллерийских частей к боевым действиям, очень мало внимания

уделяли артиллерийской разведке. Они ограничивались лишь общими указаниями, а в некоторых штабах артиллерии армий доходило до того, что офицеров разведывательного отделения использовали для выполнения поручений общего порядка. С.С. Варенцов настойчиво искоренял эти явления.

Следует отметить, что до Курской битвы штабы артиллерии еще не были подлинными организаторами боевых действий артиллерии, основным органом управления ею в оборонительных и наступательных операциях фронта (армии). Не было нужного контакта штаба артиллерии как одного из главных штабов родов войск со штабами других родов войск, и штабы артиллерии фронта (армии) еще не являлись подлинными помощниками командующих артиллерией в управлении артиллерией. Только к Курской битве штабы артиллерии были уже достаточно подготовлены, укомплектованы и организационно-штатная структура их в полной мере соответствовала требованиям современной войны.

На Воронежском фронте во многих штабах офицеры штаба артиллерии в период работы в войсках не распределяли между собой отдельные функции. В войска выезжали максимум 4–5 человек, которые при строгом распределении функций не смогли бы охватить контролем большое количество штабов артиллерии соединений и частей, а также боевые порядки артиллерии. Каждый из офицеров осуществлял проверку и оказывал помощь по оперативным и разведывательным вопросам.

На командном пункте было несколько иное положение. Тут каждый работал по своей специальности, но, как только принималось решение о проведении операции, офицерам оперативного отдела, у которых объем работы был значительно больше, приходили на помощь офицеры разведывательного отдела.

В штабах артиллерии армий, дивизий и в частях офицеры штаба артиллерии фронта проверяли правильность планирования огня в артиллерийском наступлении, организацию контрбатареинной борьбы. Совместно с офицерами частей производили расчет боеприпасов по целям, проверяли организацию управления.

У разведчиков проверяли планирование артиллерийской разведки, полноту и достоверность разведывательных данных.

С секундомерами в руках офицеры штаба артиллерии фронта устанавливали мобильность вызовов планового и непланового огня артиллерии: ее массирование по важнейшим объектам в глубине обороны противника, когда это потребуется в ходе наступления, а также выход на рубеж развертывания противотанкового резерва. На огневых позициях офицеры штаба артиллерии фронта, как правило, проверяли знание личным составом задач, раскладку боеприпасов, состояние материальной части и др.

Офицеры штаба артиллерии фронта в артиллерийских частях и штабах не ограничивались только контролем и фиксацией недостатков. Всюду они оказывали помощь, советовали, учили.

При перегруппировках артиллерии офицеры штаба артиллерии фронта после вручения боевых распоряжений командирам частей на переброску их полков и бригад в новые районы сопровождали эти части до районов развертывания и, только убедившись, что боевой порядок занят, возвращались в штаб с докладом о выполненном задании. Их доклады были всегда точны, и это определяло степень достоверности сведений, которыми располагал штаб фронта.

Командующий артиллерией фронта С.С. Варенцов в подготовительный период практически все время находился в войсках, решая задачи по организации и применению крупных артиллерийских масс в ходе боевых действий.

Начальник штаба артиллерии фронта, как правило, в войска не выезжал. На нем лежала основная тяжесть работы в штабе, с ним оставались лишь 1–2 офицера оперативного отдела. В этот период нужно было держать под контролем работу офицеров штаба, где бы они ни нахо-

дились, в отсутствие командующего артиллерией фронта решать все необходимые вопросы, входящие в его компетенцию.

В заранее разработанных планах учитывалась вероятная потребность в маневрировании артиллерией. Каждое артиллерийское соединение (часть) заранее знало из этих планов районы предстоящего маневра, установленный сигнал и задачу. С частями, намечавшимися для перегруппировок, поддерживалась непрерывная связь штаба артиллерии армии (фронта) либо непосредственно, либо через соответствующего командующего артиллерией корпуса (армии) или дивизии.

Главную массу артиллерии, привлекаемую к перегруппировкам или к маневрированию огнем, составляли резервы и армейские артиллерийские группы.

Стремление С.С. Варенцова к непрерывности взаимодействия артиллерии с общевойсковыми объединениями, соединениями и частями достигалось следующим образом. Например, в 7-й гвардейской армии во всех стрелковых полках первого эшелона стрелковых дивизий создавались группы поддержки пехоты (ПП) в составе 2–3 дивизионов. В стрелковых полках второго эшелона дивизий эти группы обычно состояли из одного дивизиона артиллерийского полка и минометной батареи стрелкового полка. До начала боевых действий полком второго эшелона его полковая группа поддерживала бой одного из стрелковых полков первого эшелона.

Как указывалось выше, в 7-й гвардейской армии вообще артиллерийские полки дивизий второго эшелона использовались (до начала боевых действий этих дивизий) для поддержки дивизий первого эшелона с включением их в состав полковых групп. Безусловно, такое использование артиллерийских полков дивизий второго эшелона неизбежно создает большие трудности в их переподчинении в ходе боя на поддержку частей своей дивизии, а иногда (при высоком темпе наступления противника) делает это переподчинение невозможным. Однако С.С. Варенцов, невзирая на эти сложности, прекрасно понимая, что решение всех вопросов боевого применения артиллерии всецело зависит от должной организации управления артиллерией фронта, предпочитал максимальное привлечение артиллерии для поддержки дивизий первого эшелона.

В стрелковых дивизиях первого эшелона (в трех дивизиях из четырех) организовывались дивизионные артиллерийские группы дальнего действия, предназначенные главным образом для борьбы с артиллерией и дальними целями противника. Хотя образование групп дальнего действия и вело к распылению средств дальнобойной артиллерии, но в обороне оно создавало более выгодные условия для взаимодействия дальнобойной артиллерии с войсками. Командующий артиллерией фронта принял такое решение из-за наличия широкого фронта обороны армии и большого количества направлений вероятных атак противника, а также в связи с общим стремлением командования фронта (армий) усиливать больше всего войска первого эшелона.

В остальных армиях Воронежского фронта артиллерийские группы создавались примерно по такой же схеме, как и в 7-й гвардейской армии.

Как уже неоднократно подчеркивалось, важное значение для обеспечения централизованного управления артиллерией имела устойчивая связь вышестоящих органов управления артиллерией с нижестоящими. Связь командующего артиллерией фронта с командующими артиллерией армий и командирами артиллерийских соединений и частей, выделенных в резервы, осуществлялась главным образом проводными средствами и радио по линии штабов, а с армиями, действующими на главном направлении, – и по линии наблюдательных пунктов. Кроме того, для управления артиллерией использовались также и общевойсковые каналы связи.

К сожалению, штаб артиллерии фронта располагал всего одним радиовзводом. Объектов управления у штаба артиллерии фронта было более чем достаточно. Много пришлось прило-

жить усилий и упорства генералу С.С. Варенцову и другим командующим артиллерией фронтов, доказывая, что средств управления в штабе артиллерии фронта недостаточно.

Командующий войсками фронта генерал Н.Ф. Ватутин много внимания уделял не только ведению оборонительных работ в соответствии с принятым им решением на оборонительную операцию. Он требовал, чтобы войска учились. Лично занимался с начальниками родов войск, специальных войск, командармами и даже с командирами полков. Н.Ф. Ватутин прорабатывал с ними важнейшие вопросы маневрирования войсками, уделяя особое внимание управлению и взаимодействию. Командующий требовал не только безукоризненного выполнения своих приказаний, директив, но и инициативы, предложений по укреплению обороны и обучению войск. И такие предложения поступали. Так, С.С. Варенцов предложил создать артиллерийские полигоны для подготовки истребительно-противотанковой артиллерии. Впоследствии Н.Ф. Ватутин и С.С. Варенцов часами не уходили с позиций противотанковой артиллерии, требовали доведения до автоматизма всех операций, умения вести огонь, даже когда танки прорвутся через огневые позиции. Почти весь личный состав истребительно-противотанковых полков прошел на них огневую подготовку с боевой стрельбой. Командующий фронтом особенно усиливал противотанковую оборону, ибо понимал, что все начнется с мощнейшей танковой атаки. Макеты «Тигров», «Пантер» стояли не только на артиллерийских полигонах, они стояли в тылах полков, и каждый солдат должен был изучить их уязвимые места.

В период подготовки к операции командно-штабные игры охватывали все большее число командиров и штабов, штабные тренировки сменялись практическими занятиями с боевой стрельбой. Для сокращения времени на открытие огня проводились ежедневные тренировки штабов, подразделений разведки, связи и огневых взводов, в результате чего удалось добиться открытия планового огня в среднем через 1–2 минуты и непланового – через 5–6 минут.

По окончании планирования артиллерийской контрподготовки и приведения в полную боевую готовность привлекавшейся к ее проведению артиллерии оставалось главное – определить время ее проведения. Запоздание с открытием огня или преждевременное его открытие могли свести на нет возможные результаты контрподготовки.

Для определения этого важного момента сначала было очень мало данных. На Воронежском фронте, в частности перед фронтом 6-й гвардейской армии, в середине июня стало отмечаться заметное оживление в расположении противника. 28 июня передвижения немецких войск, особенно по Белгородскому шоссе, усилились; 1 и 2 июля противник начал подтягивать к нашему переднему краю танки, мотопехоту и артиллерию. Захваченные пленные показывали, что в районе Белгорода разгружаются эшелоны с большим количеством танков, пехоты и артиллерии. Одновременно с этими мероприятиями противник проводил разведку боем.

К 12 часам 4 июля командующий фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин вызвал всех командармов на совещание в штаб фронта. На основании имевшихся данных он высказал убеждение в том, что в ближайшие часы, не позднее следующего утра, противник перейдет в наступление. Вероятнее всего, из района севернее и северо-западнее Белгорода, но, подчеркнул командующий фронтом, возможно, и на других направлениях. В связи с этим он уточнил задачи армиям и приказал держать войска в полной боевой готовности.

В 16 часов 4 июля, когда Н.Ф. Ватутин, А.М. Василевский, командующий артиллерией фронта генерал С.С. Варенцов и командующий 2-й воздушной армией генерал С.А. Красовский обсуждали план контрподготовки, артиллерия противника открыла огонь. Обстрел длился примерно 10 минут, потом позвонил командующий 6-й гвардейской армией генерал И.М. Чистяков. Он доложил, что из района Томаровки на север на его боевое охранение двинулось около 50 танков и до полка пехоты противника.

– Неужели Манштейн начал раньше срока? – задумался А.М. Василевский. – Или это демонстрационная атака с ограниченными целями?

– Скорее всего, разведка боем. Слишком непродолжительная артподготовка, – сказал Н.Ф. Ватутин и приказал подчиненным занять свои КП.

Скоро И.М. Чистяков доложил, что это действительно разведка боем. Пленный из 168-й пехотной дивизии подтвердил это. Перебежчик показал, что переход в наступление назначен в ночь с 4 на 5 июля, что саперы танковой дивизии «Мертвая голова» в ночь с 3 на 4 июля разминировали на многих участках минные поля и сняли проволочные заграждения. Он сообщил также, что всем солдатам их подразделения выданы патроны и на четверо суток водки. Командир подразделения приказал солдатам приготовиться и ждать сигнала боевой тревоги для наступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.